

РОЙ МЕДВЕДЕВ

РЕВОЛЮЦИЯ
И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В РОССИИ 1917—1923

Рой Медведев

**Революция и Гражданская
война в России 1917—1922**

«WebKniga»

2018

Медведев Р. А.

Революция и Гражданская война в России 1917—1922 /
Р. А. Медведев — «WebKniga», 2018

ISBN 978-5-9691-1705-1

В настоящем томе собрания сочинений Жореса и Роя Медведевых представлены две книги известного историка и публициста Роя Медведева о революции 1917 года и Гражданской войне в России, а также отдельные главы из книги "Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова", ставшей результатом многолетних исследований становления советской власти на Дону, проведенных совместно с участником Гражданской войны С. П. Стариковым. Рой Медведев выстраивает свое повествование, опираясь только на факты, подтвержденные многочисленными архивными материалами, что позволяет показать объективную картину событий тех грозных лет.

ISBN 978-5-9691-1705-1

© Медведев Р. А., 2018

© WebKniga, 2018

Содержание

Информация от издательства	5
Предисловие	6
Часть первая. Революция 1917 года в России: проблемы, особенности, оценки	7
Предисловие ко второму американскому изданию	7
Раздел первый. Была ли Октябрьская революция неотвратимым событием?	16
1. Разные точки зрения. Социальная революция и роль личности	16
2. О Февральской буржуазно-демократической революции	21
3. Об Октябрьской социалистической революции	26
4. О стихийности и организации масс в 1917 году	31
Раздел второй. Была ли Октябрьская революция преждевременной?	41
1. Возможна ли преждевременная революция?	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рой Медведев. Революция и Гражданская война в России 1917—1922

Информация от издательства

Научно-популярное электронное издание

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Медведев, Р. А.

Революция и Гражданская война в России 1917–1922 / Рой Александрович Медведев. – М.: Время, 2018. – (Собрание сочинений Жореса и Роя Медведевых).

ISBN 978-5-9691-1705-1

В настоящем томе собрания сочинений Жореса и Роя Медведевых представлены две книги известного историка и публициста Роя Медведева о революции 1917 года и Гражданской войне в России, а также отдельные главы из книги «Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова», ставшей результатом многолетних исследований становления советской власти на Дону, проведенных совместно с участником Гражданской войны С. П. Стариковым. Общеизвестно, что революционный шквал, прокатившийся по стране, не только привел к краху монархического режима и сложившегося уклада жизни в самой России, но и существенно повлиял на ход мировой истории, о чем немало написано научных и публицистических работ и художественных произведений, однако, нередко дающих одностороннюю характеристику происходившего. Рой Медведев выстраивает свое повествование, опираясь только на факты, подтвержденные многочисленными архивными материалами, что позволяет показать объективную картину событий тех грозных лет.

© Рой Медведев, 2018

© Валерий Калныньш, оформление, макет, 2018

© «Время», 2018

Предисловие

В настоящем томе Собрания сочинений я объединил под одной обложкой три книги о революции 1917 года и Гражданской войне в России. Первая часть тома представлена книгой «Революция 1917 года в России: проблемы, особенности, оценки», которая была написана в 1975–1977 гг. к 60-летию этой революции. Она была опубликована в 1978 году в Италии, а на следующий год в США, Франции, Германии и Японии. В 1985 году эта же книга вышла вторым изданием в США – без изменений в тексте, но с большим новым предисловием. В Советском Союзе и в новой России эта книга не публиковалась. Только один из разделов книги – «Трудная весна 1918 года» был опубликован как брошюра в Воронеже в 1990 году.

Вторая часть – книга «Русская революция: победа и поражение большевиков» была написана в 1997 году – к 80-летию Октябрьской революции. Она была опубликована в том же году в Москве, а на следующий год в Японии. Обе этих книги имели характер популярных очерков и были рассчитаны на широкий круг читателей.

В третью часть – вошли главы из книги «Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова». Это исследование трагических событий на Дону, основанное на анализе архивных материалов, которое я предпринял в 1972–1973 гг. совместно с участником Гражданской войны С. П. Стариковым. Первое издание этой книги было осуществлено в Нью-Йорке на английском языке под заголовком «Филипп Миронов и Гражданская война в России». В Советском Союзе книга вышла в свет в 1989 году.

В настоящем издании эти книги публикуются с минимальной авторской правкой. Лишь в ряде случаев я счел нужным сделать некоторые сокращения, однако в других случаях текст дополнен новыми материалами и документами.

Москва. 22 апреля 2012 года

Часть первая. Революция 1917 года в России: проблемы, особенности, оценки

Предисловие ко второму американскому изданию

Я с удовлетворением узнал о желании издательства Колумбийского университета вторично опубликовать мою книгу об Октябрьской революции в России в более доступной для читателя форме. Книга издается без изменений, если не считать замену твердого переплета мягким. Автору предоставлено, однако, право написать к новому изданию его книги новое предисловие.

Я работал над этой книгой в 1975–1977 гг., и она была издана в США и некоторых других странах в 1978–1979 годах. Для советского историка события 1917 года остаются всегда актуальными, и я продолжал после выхода в свет моей книги немало размышлять об уроках и последствиях Октябрьской революции, пополняя свою память чтением новых книг и статей. Только в Советском Союзе за последние шесть лет вышло в свет более ста книг и еще больше статей о событиях Русской революции 1917 года и Гражданской войны в России. Хотя эти книги мало что меняют в официальной советской доктрине, они вводят в научный оборот немало фактов и документов, ранее неизвестных широкому кругу советских историков.

Немало книг о Февральской и Октябрьской революциях в России было издано в последние пять-шесть лет западными историками и советологами. Важный вклад в изучение революционных событий в России внесла в эти же годы советская и русская эмиграция. Недавно начал публикацию своих «узлов» из серии «Красное колесо» А. Солженицын. Важным представляется и другое начинание Солженицына – издание им исследований и мемуаров в сериях «Исследований новейшей русской истории» и «Всероссийской мемуарной библиотеки».

Естественно, что при наличии столь значительного количества новых источников я мог бы расширить и дополнить каждый из разделов своей книги о революции. Однако у меня не возникло оснований менять что-либо в ее главных положениях и выводах.

В своей книге я не ставил задачей подробно изложить историю революции и Гражданской войны в России. Я попытался проанализировать лишь немногие из проблем, связанных с революционными событиями 1917–1922 гг., которые казались мне особенно важными для понимания последующего развития Советского Союза. Одной из таких проблем является вопрос о соотношении случайности и необходимости в течении и исходе важнейших событий Русской революции 1917 года.

Нетрудно убедиться, что на протяжении нескольких десятилетий советская историческая наука рассматривала события 1917 года и всю историю последующего развития Советской России с позиций примитивного детерминизма. Так, например, полемизируя с некоторыми западными «буржуазными» историками, А. Е. Кунина писала: «Социалистическая революция для России *была единственным выходом* из сложившегося узла империалистических противоречий. В результате резкого обострения классовых и национальных противоречий российский империализм оказался наиболее слабым звеном в цепи мирового империализма». (Выделено А. Куниной.) По мнению Куниной, и Февральская и Октябрьская революции 1917 года были событиями, которые уже нельзя было предотвратить¹.

Нельзя не отметить, что подобные утверждения все чаще оспариваются в советской историко-политической литературе. «В истории нет фатального действия объективной необходи-

¹ Вопросы истории КПСС. 1977. № 10. С. 109.

мости, – писал, например, видный теоретик Ю. А. Красин. – В любой конкретной исторической ситуации люди имеют свободу выбора. Перед ними раскрывается как бы веер возможностей. И никто, кроме них самих, не определяет, на какую из них ставить ставку. Выбор делается под влиянием множества условий и факторов, среди которых есть и случайные, не поддающиеся учету заранее. Поэтому нет и не может быть однолинейной детерминированности событий, не допускающей разнообразных отклонений, попятных движений»².

Нетрудно заметить, что в мемуарной литературе, принадлежащей перу эмигрантов, редко встречаются утверждения о неизбежности революции и победы большевиков. Здесь преобладает поиск разного рода утраченных возможностей. При этом большинство мемуаристов удивляются легкости, с которой Февральская революция одержала победу над самодержавием, а затем и большевики взяли верх над Временным правительством. Совсем недавно один из свидетелей событий 1917 года М. Карпович писал, обвиняя царя и правительство в пренебрежении требованиями думской оппозиции – создать в России министерство общественного доверия. В этих требованиях, утверждает Карпович, «не было ничего революционного, и всякая сколь-нибудь разумная власть ухватилась бы за этот последний шанс – хотя бы для собственного спасения. Русская же власть того времени оставалась глуха ко всем предостережениям даже тогда, когда они шли от Государственного совета, от Совета объединенного дворянства, от великих князей. За последние до революции месяцы о ее неизбежности часто говорили. Но когда она пришла, она всех застала неподготовленными: и население, и правительство, и политические партии. В той быстроте, с которой она произошла, и в той легкости, с какой она одержала победу, было нечто фантастическое. Достаточно было нескольких дней уличных беспорядков в Петрограде и отказа солдат Петроградского гарнизона эти беспорядки подавить, чтобы режим прекратил свое существование. Трудно даже говорить о его низвержении – он просто распался от первого же толчка. Никаких настоящих попыток к самозащите с его стороны не было – оказалось, что ему не на кого было опереться...»³

Александр Солженицын полагает, что царь мог бы опереться на миллионный корпус присягнувшего ему русского офицерства. Но это иллюзия. Хотя состав офицерства и изменился за годы мировой войны, в нем продолжало доминировать дворянство, явно желавшее сохранить монархию. Но что могли сделать офицеры и генералы без поддержки солдат, уже выходящих из подчинения? В отдельных случаях дело доходило до убийства солдатами и матросами своих офицеров. В моем архиве имеется небольшое письмо, отправленное 12 марта 1917 года из Кронштадта солдатом Анатолием своему другу Сергею. Вот его текст:

«Здравствуй, Сережа! Сережа, письмо твое я получил восьмого числа, и на которое спешу ответить. Сережа, я пока жив и здоров. Сережа, у нас в Кронштадте двадцать восьмого числа в десять часов вечера поднялось все войско и ходило всю ночь по городу с музыкой; а утром стали забирать все начальство, которые на судах и в домах, и сажать их и в тюрьмы, и в карцеры, но которое начальство было не особенно хорошее, тех тут же убивали. Первым делом утром подошли к дому главного командира тыла Балтийского моря, сняли посты у его дверей, ворвались в его дом, вытащили оттуда командира и притащили его на площадь. Там его убили, и остальных почти также всех перебили, осталось офицеров очень мало, и то они сейчас сидят в тюрьме. Наши матросы приходили в тюрьму за остальными офицерами и хотели остальных перебить, но уже временный комитет приказал, чтобы из тюрьмы офицеров не выдавали военным; убитых офицеров насчитывается около ста человек.

Сережа, был я недавно в Петрограде, там тоже устанавливаются уже порядки. Заводы начали тоже работать, только одно плохо, что угля в Петрограде почти совсем нету, а потому и заводы не все работают, а только те, где делают снаряды. Сережа, в действующий флот, по

² Красин Ю. А. Революцией устрашенные. М., 1975. С. 96.

³ Русская мысль. Париж, 1984. 9 февраля.

всей вероятности, нас не будут списывать. Сережа, напиши, как у вас там дело насчет нового правительства и много ли у вас на шахте работает народу. Сережа, если будут пускать на шахте работать, то я постараюсь опять попасть на шахту. Сережа, еще напиши, что у вас на шахте не ворачивали рабочих из действующей армии за неимением рабочих на шахте. Сережа, написал бы еще кое-что, да некогда. Сережа, письма пиши по старому адресу. Затем прощай. Анатолий»⁴.

Думаю, что комментарии к этому письму излишни. Конечно, не везде с офицерами поступали так жестоко, как на флоте, но и в Петроградском гарнизоне они оказались изолированными и деморализованными, и уж во всяком случае не они могли защитить и спасти российское самодержавие. Частично офицеры смогли сплотиться против большевиков только в начале Гражданской войны – в Добровольческой армии, созданной Л. Корниловым, М. Алексеевым и А. Деникиным.

Я попытался доказать в своей книге, что ни Февральская, ни Октябрьская революции не были преждевременными, что «горючего материала» для этих революций в России в 1917 году было более чем достаточно. Сходные тезисы защищал и американский историк и советолог Роберт В. Дэниэлс в своей содержательной статье «Что произошло с Русской революцией?». Он, в частности, писал: «Со времени 1917 года принято объяснять недостатки и разочаровывающие стороны Русской революции указанием на то, что эта революция была преждевременной и поспешной в условиях той страны, в которой она произошла... Но если Октябрьское восстание было действительно преждевременной пролетарской революцией, тогда сам факт, что она могла произойти в России, при условиях, преобладающих в этой стране, немедленно ставит под сомнение тезис Маркса о том, что революция может иметь место только после того, когда старое общество полностью разовьется и истощит возможности своего развития. Однако более широкий взгляд на великие революции в истории, такие, например, как Английская и Французская, свидетельствует, что Россия не была одинокой в своей преждевременности. Революции, как правило, не возникают после полного созревания данной социальной системы и уж, несомненно, не возникают после полного развития капитализма. Марксистское предположение на этот счет является не только ошибочным для русского случая, оно является ошибочным вообще. Революция, как это было повсеместно отмечено, является естественным спутником процесса модернизации, однако она происходит обычно не в конце процесса, а в начале его средней стадии, то есть в период наиболее быстрых перемен и накопления величайшей напряженности между изменяющимся обществом и жесткими рамками устаревших учреждений»⁵.

Роберт В. Дэниэлс, безусловно, прав, когда он утверждает, что революция 1917 года в России была столь же естественным результатом развития социально-политических отношений в стране, как это было в Англии и Франции в XVII и XVIII веках. Естественным и закономерным было развитие в XX веке таких революций, какие произошли в Китае, во Вьетнаме, на Кубе. Вероятность социалистической революции на ближайшие 15–20 лет очень велика во многих странах Латинской Америки, но практически равна нулю в США или в Канаде. Маркс был неточен в своих предположениях, ожиданиях и концепциях.

В середине XIX века Маркс и Энгельс вообще отвергали возможность победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране. Они думали о революции, которая должна была охватить все главные капиталистические страны Европы. Маркс и Энгельс не могли даже предполагать, что экономическая система капитализма окажется в состоянии достигнуть таких уровней развития, как это произошло во второй половине XX века. Социализм, вышедший на международную арену после Октября, не смог и через 70 лет догнать по экономическому уровню ведущие страны капитализма.

⁴ В настоящем издании сохранены особенности орфографии и пунктуации архивных материалов.

⁵ Daniels R. V. Whatever Happened to Russian Revolution? // Commentury. USA. 1978. November. P. 50–52.

Успехи мировой капиталистической системы, которая во многих отношениях все еще опережает параллельно развивающуюся мировую социалистическую систему и, в частности Советский Союз, отнюдь не доказывают ни вечности капитализма, ни невозможности новых социалистических революций – в том числе и в развитых капиталистических странах. Эти революции могут прийти в наш мир и без вооруженных восстаний и гражданских войн. Если XX век внес так много неожиданных поправок в наши представления о социализме и капитализме, то почему нельзя предположить, что и XXI век будет также богат неожиданностями, которые сегодня просто трудно представить.

Конечно же, ни Февральская, ни Октябрьская революции не были преждевременными, особенно в своих первых и главных революционных преобразованиях. Для Февральской революции это было свержение самодержавия и утверждение демократии; для Октябрьской революции – перемирие на фронтах мировой войны, передача помещичьих, удельных и церковных земель в распоряжение крестьянских Советов и комитетов, введение рабочего контроля и национализация крупных монополий, крупнейших предприятий и банков, отделение церкви от государства, установление 8-часового рабочего дня, уничтожение сословий и Декларация о полном национальном равноправии народов России. Однако многие из мероприятий советской власти, предпринятых весной 1918 года, были явно преждевременными, они были забеганием вперед и с этой точки зрения были ошибочными. Так, например, были явно ошибочными такие мероприятия, как национализация не только крупных, но также мелких и средних предприятий, полное запрещение частной торговли в стране, попытка введения прямого продуктообмена между городом и деревней, принудительное изъятие всех излишков зерна и других продуктов у крестьян. Именно для проведения такой политики были созданы многочисленные продовольственные отряды (продотряды) из рабочих и комитеты крестьянской бедноты (комбеды), наделенные чрезвычайными полномочиями. Явно неразумными мероприятиями были разделы и раздробление всех без исключения крупных аграрных хозяйств, включая и высокопродуктивные капиталистические хозяйства. Очевидным разрушением производительных сил деревни стал и разгром и раздел относительно рентабельных крупных крестьянских (кулацких) хозяйств. Эти мероприятия оттолкнули от большевиков не только крупное крестьянство, но и значительную часть среднего, а также ремесленников и даже часть пролетариата. Оказался невозможным какой-либо компромисс между большевиками и другими социалистическими и мелкобуржуазными партиями России. Большевики оказались в изоляции, и это ослабило советскую власть и открыло дорогу для консолидации буржуазно-помещичьей контрреволюции. Констатация этих фактов и доказательство этих тезисов составляют главную, по моему замыслу, часть настоящей книги.

Нелишне отметить, что и сегодня большая часть советских исследователей пытается доказать, что политика продразверстки, комбедов и продотрядов, то есть всего того, что получило позднее название «военного коммунизма», была не причиной, а следствием гражданской войны. Так, например, советский автор И. Чельшев, полемизируя с западными историками, пытается просто отрицать тот факт, что широкие массы мелкой буржуазии разочаровались весной и летом 1918 года в большевиках из-за проводимой ими политики военного коммунизма. В подтверждение своих рассуждений И. Чельшев ссылается на слова Ленина о том, что военный коммунизм был политикой, вынужденной войной и разорением России, что он не отвечал глубоким хозяйственным задачам и интересам пролетариата⁶. Эти слова Ленина были полу-признанием ошибок большевиков, и он имеет в виду последствия не Гражданской, а мировой войны. Последствия Гражданской войны в 1921 году были еще более тяжелыми, но именно в это время большевики приняли решение об отказе от политики военного коммунизма.

⁶ Проблемы мира и социализма. 1983. № 7. С. 90.

Более точно оценивает значение и мотивы политики военного коммунизма другой советский автор Е. А. Амбарцумов. Он считает более плодотворным трактовать политику военного коммунизма не как результат Гражданской войны, а как закономерный результат внутренней логики революции, ее максималистской и романтической традиции. Военный коммунизм естественно продолжал основные направления «красногвардейской атаки на капитал». Такое забегание вперед с последующим отступлением мы могли видеть позднее и в развитии других революций, например, в Китае и на Кубе. Еще Энгельс писал, что есть, по-видимому, закон, требующий от революции продвинуться дальше, чем она может осилить и закрепить. Но это позволяет революции прочно закрепить менее значительные преобразования. «Левизна», таким образом, оказывается почти неизбежной «детской болезнью» всякого революционного движения, особенно прошедшего этап вооруженной борьбы. Но эта «детская болезнь» может привести к тяжелым осложнениям, если ее не распознать вовремя и запустить⁷. Большевикам пришлось преодолеть свои ошибки весны и лета 1918 года, но только весной и летом 1921 года.

Анализируя разного рода примеры забегания вперед, Энгельс считает это особенностью лишь буржуазных революций, которые развиваются стихийно. Этого не будет, по мнению Энгельса, при пролетарских социалистических революциях, которые будут происходить под руководством дисциплинированной и хорошо организованной партии⁸. Однако большевики в данном случае не оправдали ожиданий Энгельса, и они также не удержались от забегания вперед и от попыток решить задачи, время решения которых еще не наступило. Что удалось большевикам, благодаря главным образом Ленину, – это принять трудное решение об отступлении, не потеряв при этом ни власть, ни собственные головы. О таком исходе забегания вперед также предупреждал Энгельс⁹.

В связи со сказанным выше возникает вопрос и о периодизации истории революционной борьбы в России. В советской историографии период Гражданской войны датируется обычно 1918–1920 годами. Что касается событий 1921 года, то уже события первых месяцев этого года излагаются в разделе «Начало мирного социалистического строительства». Затем идет раздел «Переход к НЭПу»¹⁰. Не оспаривая того очевидного факта, что именно с весны 1921 года в Советской России начался переход к НЭПу, нельзя согласиться и с утверждением, что Гражданская война кончилась у нас в стране сразу же после разгрома войск генерала Врангеля в Крыму в ноябре 1920 года.

Уже осенью 1920 года в Советской России начали возникать новые крупные очаги гражданской войны, опасность которых для власти большевиков была порой не меньшей, чем от «походов Антанты». Так, например, на большой территории Центральной России с центром в Тамбовской губернии еще в августе 1920 года началось большое крестьянское восстание, получившее название «антоновщины» – по имени возглавившего это восстание эсера Александра Антонова. Восстание шло под лозунгами «Долой продразверстку!», «Да здравствует свободная торговля!», и в отрядах восставших крестьян было около 20 тысяч человек. Это восстание удалось подавить, только бросив против него отборные части Красной армии в 40 тысяч пштыков и сабель. Применялось даже химическое оружие. Крестьянским по своей основе было и движение, возглавляемое Нестором Махно и охватившее крупные районы Юго-Восточной Украины. Не рассматривая здесь всей сложной истории этого движения, отметим только, что основная борьба между отрядами Махно и частями Красной армии происходила уже после разгрома войск генерала Врангеля в Крыму. В военных действиях против Махно принимала участие не только Первая, но и Вторая конная армия. Только в августе 1921 года последний

⁷ Новое время. 1983. № 18, С. 18; см. также: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 22. С. 308–309.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т. 22. С. 533–534.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т. 28. С. 490–491.

¹⁰ История КПСС: в 6 т. Т. 4. Книга 1. М., 1970.

отряд Махно, прорвав окружение, ушел через Днестр в Румынию. Менее крупные, но многочисленные восстания происходили в это же время на Дону и Северном Кавказе, в Поволжье и Сибири, а также в Средней Азии.

К этой же волне военных мятежей и крестьянских восстаний следует отнести и знаменитый Кронштадтский мятеж, который вспыхнул в марте 1921 года и охватил большую часть гарнизона Кронштадта и экипажи многих кораблей Балтийского флота. И здесь главными лозунгами были: «Свобода торговли», «Пере выборы Советов», «Советы без коммунистов», «Свободная деятельность левых социалистических партий» и др. На стороне восставших было около 30 тысяч матросов и солдат, два линкора, более ста пулеметов и 140 орудий береговой обороны. Как известно, для подавления восстания была восстановлена 7-я армия численностью в 45 тысяч человек, которая штурмом овладела крепостью Кронштадт. Решения X съезда РКП(б) о переходе к новой экономической политике, о замене продразверстки продналогом, о постепенном расширении свободной торговли и т. п. далеко не сразу остановили эти разрозненные, но массовые восстания и мятежи. Во-первых, о решениях съезда российская деревня узнавала далеко не сразу. Во-вторых, во многих отдаленных районах страны и, в частности, в Сибири взимание продразверстки продолжалось до осени 1921 года. Таким образом, 1921 год был переходным – это был первый год новой экономической политики и последний год Гражданской войны.

Моя книга о революции была издана в 1978–1979 гг. не только в США, но также в Мексике, в некоторых странах Европы и в Японии. Она вызвала много откликов и рецензий, в которых содержались как положительные оценки, так и различные замечания. Хотя я получил в Москве лишь небольшую часть из опубликованных рецензий, общий характер замечаний, как я могу предположить, был одинаков во всех публикациях.

Часть рецензентов выражала сожаление, что они не нашли в книге каких-либо новых и сенсационных документов и материалов, неизвестных ранее специалистам по истории Русской революции 1917 года. Я не могу согласиться с этими упреками, так как я не ставил перед собой таких задач. Авторское название книги было: «Революция 1917 года в России: проблемы, особенности и оценки». Мне кажется, что содержание книги в основном отвечает этому скромному названию. Многие рецензенты бросали автору упрек в том, что он не развенчивает в своей книге В. И. Ленина, что он остается «убежденным ленинцем» и продолжает, несмотря на отдельные критические замечания, оценивать Ленина как великого революционера, изменившего своей борьбой судьбу России и всего мира. Я не могу согласиться с этими замечаниями. Я не считаю, что мне подходит определение «убежденного ленинца» и предпочитаю говорить о себе как о независимом социалисте. В своей книге я пишу о том, что отвечает моим убеждениям и моему пониманию событий 1917–1918 гг. Я совершенно не согласен с теми оценками Ленина, в которых он изображается как человек, думающий прежде всего о личной власти, о господстве над Россией и чуть ли не над всем миром, как человек, преследующий какие-то свои эгоистические цели. Хотя я мог бы сегодня сказать многое об ошибках и просчетах Ленина как политика, о его жестоких распоряжениях и его участии в красном терроре и т. п., но из всех известных мне фактов я вынес убеждение о том, что для Ленина проблемы его личной власти занимали третьестепенное, если не десятистепенное место. Ленин был, безусловно, человеком одержимым до фанатизма, но он отнюдь не был одержим какими-то личными честолюбивыми или тщеславными замыслами; он был человеком по-своему глубоко идейным и стремился к осуществлению социалистического идеала, как он его понимал. Он считал капиталистическое общество глубоко несправедливым и боролся за его уничтожение. Он немало преуспел в этом даже в крайне трудных условиях. Вопрос о том, что получилось в конечном счете в нашей стране после победы революции и победы в Гражданской войне и в какой степени современный «развитый», «реальный» социализм или «начальная ступень зрелого социализма» соответствуют тем идеалам, которые пытался осуществить Ленин, – это

особый вопрос, далеко выходящий за рамки моей книги. Народы Советского Союза прошли после 1917 года через очень большие испытания, но это обстоятельство не опровергает наличия у российских социал-демократов начала XX века, и в том числе у Ленина, самых благородных помыслов и самых благих намерений.

Я не хотел даже ставить в своей книге вопрос о роли пресловутых «немецких денег» в подготовке Октябрьской революции. Этих денег не было у большевиков. Оппонентам большевиков не удалось представить в защиту своих обвинений ни одного убедительного документа. В том, что касается средств на революционную деятельность, Ленин и большевики никогда не были особенно щепетильны. Еще во времена революции 1905–1907 гг. Ленин санкционировал ограбление банков и денежных фургонов – «на нужды революции». С согласия Ленина большевики организовали изготовление фальшивых купюр. Большевики принимали деньги отдельных купцов и капиталистов, которые по каким-либо личным причинам готовы были помогать левым партиям. Поэтому при определенных условиях и гарантиях Ленин мог бы согласиться и на получение «немецких денег» – на поддержку русской, а затем и германской революции. О такой помощи шли разговоры в недрах германского генерального штаба, но реальных миллионов немецких золотых марок никто большевикам не выделял, а была лишь очень скромная помощь от немецких социал-демократов. На этот счет имеются убедительные исследования американских и немецких историков, а также французского историка и политика Бориса Суварина¹¹.

Ленинизм в целом несет немалую долю ответственности и за все то, что произошло в Советском Союзе и за его пределами уже после смерти Ленина. Однако я уверен, что если бы Ленин прожил бы еще хотя бы только 10 или 15 лет, то судьба нашей страны и партии сложилась бы совсем иначе. Работая над этой книгой, я мысленно переносился в эпоху 1917–1918 гг. и невольно задавал себе вопрос: если бы я жил в эти годы и был уже способен на сознательный выбор, то в рядах какой партии я бы тогда оказался? Я не могу не признаться себе, что, скорее всего, я бы стоял на стороне большевиков. Но даже такой крайне консервативный политический деятель Италии, как Индро Монтанелли, откровенный антикоммунист и владелец консервативной газеты «Иль Джорнале Нуово» писал в 1982 году: «Русский пожар был ошеломителен, он породил так много, он оставил неизгладимые следы. И потом этот взрыв 1917–1918 года. Не знаю, если бы мне было 20 лет в 1917 году, наверное, и я устремился бы в Москву, как Джон Рид и многие другие, и, вероятно, кончил бы плохо, но поехал бы, – то, что открывала эта революция, было огромно, надежды были велики, безмерны. Я понимаю, почему мир был восхищен»¹².

Было бы ошибочным утверждать, что именно первоначальные и лучшие идеалы Октябрьской революции были осуществлены в Советском Союзе в последующие 60 лет. Но было бы также неверным утверждать, что все вообще идеалы и цели этой революции были в последующие десятилетия преданы и забыты. И в социальной, и в культурной, и в экономической жизни Советского Союза произошли огромные изменения, дорогу которым открыла именно Октябрьская революция. Есть много оснований утверждать, что без Октябрьской революции, то есть без победы большевиков, Россия просто бы распалась на несколько частей и перестала бы существовать как единое многонациональное государство, подобно Австро-Венгрии или Оттоманской империи. Для кого-то такой вариант кажется даже наилучшим.

Некоторые из рецензентов упрекали меня в том, что я писал свою книгу о революции с марксистских и социалистических позиций, что, даже критикуя большевиков, я не выхожу за рамки концепций, которые годятся сегодня «только для детского сада»¹³.

¹¹ *Souvarine B.* Est et Gwest. Paris, 1976. № 570, 1—15/IV.

¹² *Континент.* 1982. № 34. С. 431–432.

¹³ *Observer.* 1980. 6 января.

Я никогда не скрывал своей приверженности к социалистическим идеям, и я не могу согласиться со столь уничижительными оценками как социалистической мысли XIX, так и социалистических идей XX века. Конечно, мне известны самые различные концепции Октябрьской революции – от меньшевистско-эсеровских до либеральных и монархических. Но рассмотрение всех этих концепций не входило в задачу автора да и было ему не под силу. Всякая великая революция является столь многогранным и богатым оттенками событием, что невозможно в одной работе, а тем более одному автору объяснить или даже просто обозреть всю картину этой революции, ее причины и последствия.

Должен сказать, однако, что рассмотрение событий 1917 года с марксистских и социалистических позиций имеет особое значение. Марксизм претендует на объяснение событий всей человеческой истории. Но в данном случае речь идет о революции, которая проводилась при участии самих марксистов и в соответствии с теми идеями, которые лежали в основе их учения. Поэтому анализ как хода, так и исхода революции 1917 года позволяет понять не только достоинства, но и недостатки самих марксистских концепций общественного развития. Для меня именно эта задача была главной, хотя я готов признать несовершенство проделанной работы. Важно было хотя бы поставить такую задачу. Тем не менее надо отметить, что уже один тот факт, что при всех своих ошибках большевики в годы революции и Гражданской войны одержали победу над своими многочисленными противниками, доказывает, что их концепции были все же далеко не столь примитивными, как это представляется автору из «Обсервера». Глубоко ошибаются те, кто считает, что идеология не играет значительной роли в существовании и в политике СССР, что она лишь прикрытие для каких-то иных задач и целей. Также ошибаются те, кто решительно отрицает способность советского общества к обновлению и гуманизации, исходя из заложенных в нем самом внутренних возможностей.

Я высказывал в своей книге убеждение в том, что в конечном счете именно советские историки смогут выполнить главную работу по изложению и анализу революционных событий 1917–1922 гг. в России. Эта точка зрения также вызвала возражения у ряда рецензентов. Подобного рода сомнения можно понять. Хотя о нашей стране проводится много исследований, предметом которых являются события 1917–1922 годов, уровень этих исследований остается все еще очень низким. В советской исторической науке продолжает действовать еще множество различных табу, бессмысленных ограничений и запретов. И сегодня, например, советские историки не могут объективно оценивать революционную деятельность таких людей, как Л. Троцкий или Н. Бухарин, Л. Каменев и Г. Зиновьев, И. Смирнов или С. Мрачковский, а также десятков других виднейших деятелей революции и участников Гражданской войны, которые в 1920-е примыкали к левой или правой оппозиции и погибли в тридцатые годы, став жертвой сталинского террора 1930-х годов. Эти люди до сих пор не реабилитированы, и на позитивную оценку их деятельности в советской исторической науке наложен запрет. Советские историки до сих пор не имеют возможности объективно оценивать и изучать деятельность таких левых социалистических партий, как эсеры и меньшевики, без чего трудно понять как ход, так и исход событий 1917 года. И сегодня советские историки не имеют возможности критически оценивать некоторые из высказываний и оценок Ленина, которые были основаны на неточной информации или ошибочных представлениях. Показательна в этом отношении оценка Лениным событий июльского кризиса 1917 года.

Как известно, после разгрома июльской демонстрации власти отдали приказ об аресте Ленина, Троцкого и Зиновьева. Была разгромлена редакция газеты «Правда», Ленин перешел на нелегальное положение и расценивал происходящие события как контрреволюционный буржуазный переворот, как конец двоевластия. Однако реальное развитие событий было гораздо более сложным, и, с точки зрения правых буржуазных партий и генеральских кругов, июльский кризис в целом был сдвигом не вправо, а влево. Именно в июле 1917 года главой Временного правительства стал эсер Керенский. В новом составе правительства буржуазные пар-

тии были потеснены. Деятельность большевистской партии не была запрещена, и она провела в конце июля – начале августа свой VI съезд. Под другим названием стала выходить и газета «Правда». К концу июля и в августе позиции большевиков в Советах укрепились, особенно в Петрограде и Москве и прежде всего в районных Советах. Еще 3–5 июля в Петроград был введен Сводный отряд 5-й армии для поддержки Временного правительства. Однако фактическое командование этим отрядом осуществлял комитет во главе с поручиком Г. П. Мазуренко, который считал себя меньшевиком. Именно этот поворот общего хода событий влево и усиление позиций меньшевиков и эсеров в составе власти привели к попытке захвата власти генералом Л. Корниловым. В планы заправил этого Корниловского мятежа входили полный разгром Советов и отстранение от власти эсера А. Керенского. Общий итог июльско-августовских событий в Петрограде и Москве – это мощный сдвиг влево, который и вывел большевиков на подступы к Октябрьской революции.

Ленин также не сумел ни во время революции, ни в последующие годы Гражданской войны правильно оценить настроения, значение и возможности такого массового и важного в нашей стране сословия, как казачество. Почти все большевики смотрели на казачество и казачьи районы как на потенциальную Вандею, и они не сумели хотя бы нейтрализовать казачество, а это было возможно при более разумной политике. Однако в официальной исторической науке критика высказываний или деятельности Ленина пока еще невозможна. Таковую критику можно встретить лишь в том случае, когда она опирается на самокритику Ленина, к которой он прибегал, как известно, весьма во многих случаях.

Можно надеяться, что в будущем положение исторической науки в Советском Союзе изменится к лучшему, и новое поколение советских историков будет избавлено от той невыносимой и мелочной опеки и от того давления, которые вынуждают их к умолчанию или даже к прямым фальсификациям. Не вполне свободны от разнообразных форм идеологического давления и западные историки-советологи. Большая часть советских архивов для них также закрыта, как и для нас. Однако западные историки могут использовать многочисленные эмигрантские источники, которые для нас, советских историков, по большей части все еще недоступны. Работая над книгой о Гражданской войне на Дону, я имел возможность лишний раз убедиться, что большая часть материалов и документов, относящихся к истории революции и Гражданской войны, находится в архивах, но они все еще не введены в научный оборот. Когда-нибудь это положение изменится.

Моя книга выходит в свет за границей, хотя она рассчитана главным образом на отечественного читателя. Рукопись этой книги прочитали некоторые из моих друзей, и я постарался учесть их замечания и пожелания.

Раздел первый. Была ли Октябрьская революция неотвратимым событием?

1. Разные точки зрения. Социальная революция и роль личности

Одно из утверждений, наиболее часто повторяемых западными историками, состоит в том, что в отличие от Февральской революции Октябрьская социалистическая революция в России не была закономерным результатом происходивших в нашей стране социальных, экономических и политических процессов. Тем более нельзя считать эту революцию закономерным результатом событий, происходивших в начале XX века в Европе и во всем мире. Эта революция стала результатом непредвиденного стечения обстоятельств, умело использованных Лениным и большевиками. Английский советолог Д. Лейн писал, например, в одной из своих книг: «Большевистская революция не была неизбежным событием <...> После отречения царя возник политический вакуум, который и заполнили большевики»¹⁴.

Американский историк и советолог Р. Дэниэлс также утверждал в одной из своих статей: «С любой разумной точки зрения большевистская революция была отчаянной игрой с весьма небольшими шансами на успех и с еще меньшими шансами, чтобы продержаться какое-то время. Слепая случайность поставила Ленина у власти, и она же позволила ему удержаться у власти после победы в трудные дни. Именно стечение непредвиденных обстоятельств обусловило отход России от привычного курса современных революций и проложило дорогу для того уникального явления, каким стал коммунизм XX века. <...> Октябрьская революция победила вопреки какому-либо рациональному расчету, но лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств, на которые никто не мог рассчитывать. Возникновение и сохранение большевистского режима в этот ранний период – почти что историческое чудо»¹⁵.

В одной из своих статей Дж. Биллингтон свидетельствовал: «Некоторые из западных историков продолжают рассматривать Октябрьскую революцию как случайное вмешательство разрушительной стихии и не видят в ней никакого глубокого смысла, а на ее последствия смотрят со смешанным чувством растерянности и бессильного гнева, с каким обычно встречают вмешательство бессмысленных стихий в человеческие дела»¹⁶.

Этим утверждениям нередко противостоят прямо противоположные утверждения о неизбежности и неотвратимости свершения и победы Октябрьской революции. «Если даже и можно говорить, – писал бывший коминтерновец И. Бергер, – что Ленин и окружавшие его большевики “совершили” революцию, все же еще ближе к правде утверждение, что они сами были результатом “совершившейся” революции. Я лично убежден, что существовало движение, которое нельзя было уже ничем и никак остановить и которое вынесло в первые ряды Ленина и его соратников. Я не хочу умалять значения нескольких десятилетий подготовительной работы русских революционеров, но я утверждаю, что главной причиной победы большевиков в октябре было то, что за них был народ»¹⁷.

«Что произошло в 1917 году? – восклицал такой открытый враг большевиков, как И. Бунин. – Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека. Неизбежна ли была русская революция или нет? Никакой неизбежности, конечно, не было,

¹⁴ Политика и общество в СССР. Лондон, 1970. С. 48.

¹⁵ Русское обозрение. США, 1967. С. 339–340; см. также сб.: Русская революция. Нью-Йорк, 1970. С. 180.

¹⁶ Мировая политика. 1966. Апрель. С. 457.

¹⁷ Бергер И. Крушение поколения: Воспоминания / Пер. с англ. Я. Бергера. Firenze: Aurora, 1973. С. 19.

ибо, несмотря на все недостатки, Россия росла, цвела, со сказочной быстротой развивалась и изменялась во всех отношениях. Революция, говорят, была неизбежной, ибо народ жаждал земли и таил ненависть к своему бывшему господину. Но почему же эта будто бы неизбежная революция не коснулась, например, Польши и Литвы? Или там не было барина, не было недостатка в земле и вообще всякого неравенства? И по какой причине участвовала в революции Сибирь с ее допотопным обилием крепостных уз? Нет, неизбежности не было, а дело было все-таки сделано и под каким знаменем? Сделано оно было ужасающе, и взамен синайских скрижалей, взамен Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов в Россию пришло нечто новое и дьявольское»¹⁸.

Иного мнения придерживался русский религиозный философ Н. Бердяев. «Очень важно помнить, – писал он в книге “Истоки и смысл русского коммунизма”, – что русская коммунистическая революция родилась в несчастье и от несчастья, несчастья разлагающейся войны – она не от творческого избытка родилась. Впрочем, революция всегда предполагает несчастье, всегда предполагает сгущение тьмы прошлого. В этом ее роковой характер. Новое либерально-демократическое правительство, которое пришло на смену после февраля, провозгласило отвлеченные гуманные принципы, отвлеченные начала права, в которых не было никакой организующей силы, не было энергии, заражающей массы. Положение Временного правительства было настолько тяжелым и безысходным, что вряд ли его можно строго судить и обвинять. Керенский был человеком революции, ее первой стадии. Никогда в стихии революции, и особенно революции, созданной войной, не могут торжествовать люди умеренных, либеральных взглядов. Принципы демократии годны для мирной жизни, да и то не всегда, а не для революционной эпохи. В революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди, склонные и способные к диктатуре. Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии... Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным отношениям. И он победил, он нашел лозунги, которым народ согласился подчиниться. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством. России грозила полная анархия, анархический распад, – но он был остановлен коммунистической диктатурой»¹⁹.

Лев Троцкий считал, что Февральская революция уже в 1916 году стала неотвратимой, однако перерастание ее в пролетарскую и социалистическую революцию в октябре 1917 года было результатом деятельности Ленина и в меньшей степени его, Троцкого. Троцкий писал позднее: «Если бы Николай пошел навстречу либералам и сменил бы Штюрмера на Милюкова, то развитие событий отличалось бы несколько по форме, но не по существу. Накопившиеся социальные противоречия должны были прорваться наружу и, прорвавшись, довести свою очистительную работу до конца. Перед напором народных масс верхушечные комбинации монархии с либерализмом имели эпизодическое значение и могли оказать влияние на порядок явлений и число действий, но не на общее развитие драмы и еще менее на ее грозную развязку»²⁰.

Иное дело Октябрьская революция. Если бы Ленин не вернулся в Россию и не развернул бы партию большевиков своими «Апрельскими тезисами», то в России не произошла бы Октябрьская революция.

Что можно сказать по поводу приведенных выше утверждений? Я думаю, что ни с одним из них нельзя согласиться полностью, хотя каждый из упомянутых нами авторов приводит в защиту своего мнения немало ярких фактов и убедительных доводов.

¹⁸ Бушин И. А. Под серпом и молотом. Лондон; Канада, 1975. С. 211–212.

¹⁹ Цит. по газ.: Русская мысль. Париж, 1974. 8 августа.

²⁰ Троцкий Л. Д. Февральская революция. Берлин, 1931. С. 124–125.

Прежде чем ставить вопрос о неотвратимости или случайности той или иной революции, нужно условиться о толковании самого понятия «революция», или «социальная революция». В общественных науках любое почти из основных понятий неоднозначно; в разных контекстах эти понятия имеют разные значения, что порождает нередко весьма схоластические споры. Думаю, что понятие «социальной революции» употребляется в марксизме в двух смыслах. Под социальной революцией понимается, во-первых, коренная перемена в социально-экономическом устройстве общества, переход от одной общественно-экономической формации к другой, безотносительно к конкретной форме такого перехода. В этом общем значении К. Маркс писал об эпохе социальных революций: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит поворот во всей громадной надстройке»²¹.

В таком широком смысле слова социальные революции являются неотвратимыми и неизбежными. Маркс неслучайно пишет здесь *об эпохе* социальных революций, ибо такой переход может происходить в течение нескольких десятилетий, как это было в большей части стран Европы в XIX веке или в Японии в последней трети этого же века.

Понятие социальной революции можно употреблять, однако, и в более узком смысле слова – для обозначения скачкообразного и быстрого перехода политической власти из рук одного класса в руки другого в результате массового народного выступления или восстания. «Социальная революция, – писал об этом советский историк Я. С. Драбкин, – это коренной переворот в жизни общества, изменяющий его структуру и означающий качественный скачок в его прогрессивном развитии. Социальная революция всегда – активное политическое действие масс, в котором соединяются стихийность порыва с сознательной целенаправленностью к осуществлению прежде всего перехода руководства обществом, государственной власти в руки нового класса или классовой группировки. <...> Социальная революция отличается концентрированностью во времени и непосредственностью действий “низов”. В этом смысле различают обычно революционные и эволюционные процессы, революцию и реформу»²².

В таком более узком смысле любая социальная революция определяется не только действием внутренних закономерностей общества и неотвратимо складывающимся соотношением социальных факторов, но и деятельностью отдельных политических групп, а также отдельных руководителей, поведение и решения которых не могут быть полностью детерминированными. Даже поведение целых политических партий зависит порой от многих субъективных и случайных факторов, что неизбежно накладывает на весь конкретный ход исторических событий оттенок неопределенности и случайности.

Марксизму не свойственны тезисы и утверждения примитивного детерминизма, согласно которым все события в истории предопределены и не могли происходить иначе. Нет, любое, даже самое значительное по своим последствиям *конкретное* историческое событие всегда определяется сложным переплетением необходимых и случайных процессов, что заставляет нас в каждом отдельном случае говорить о большей или меньшей вероятности этого события, но не о его абсолютной неотвратимости. В развертывающихся перед нами исторических событиях обязательно содержатся несколько альтернатив, осуществление которых зависит от множества обстоятельств и поступков, далеко не все из которых можно заранее предвидеть. Факты истории свидетельствуют при этом, что отнюдь не всегда реализуется наиболее вероят-

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. С. 7.

²² Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 211–212.

ная историческая альтернатива. Наоборот, в истории нередко происходят и самые, казалось бы, невероятные события. «Мы не верим ни призванию народов, ни их предопределению, – писал в свое время А. И. Герцен. – Мы думаем, что судьба народов и государств может по дороге меняться, как и судьба всякого человека. Но мы вправе, основываясь на настоящих элементах, по теории вероятности, делать заключения о будущем»²³. В истории нет либретто, отмечал тот же Герцен, путь в истории не назначен, маршрут истории не написан заранее. «Если бы в жизни народов и человечества все было бы предопределено, то история потеряла бы интерес, сделалась бы скучной, ненужной и смешной»²⁴.

Не признавал роли случая или влияния сильной воли на исход событий и Лев Толстой. «Исход великих событий непредсказуем, но только потому, что никто не знает Судьбы или промысла Бога. “Сердце царю в руке Божьей”, – говорил Толстой, цитируя Библию. Великий человек – это действительно избранник судьбы... Человек, облеченный властью, – ее орудие, а не ее господин»²⁵.

Л. Толстой был, несомненно, неправ, принижая возможности Наполеона, Александра Первого или Кутузова как полководцев. Конечно, бывают случаи, когда не приказы командующих определяют ход и исход военных событий. Но можно привести еще больше примеров, когда именно воля и умелые действия полководца сыграли решающую роль в исходе битвы.

В определенных пределах человек обладает свободой воли и свободой выбора, и это делает многие из его поступков непредсказуемыми. Человеческое сознание, конечно, не свободно от влияний как многих внешних, так и многих внутренних факторов, однако оно не является их простым отражением. Как духовное существо, человек обладает определенной активностью, которая может изменить в некоторых пределах и рамках ход внешних материальных событий и процессов – в том числе и исторических событий и процессов. «Мы не верим, – писал на этот счет Р. Гароди, – в автоматический приход будущего, чья история уже написана и где нет якобы места участию человека. Есть разные варианты возможного будущего. Каждый из нас несет личную ответственность за их осуществление»²⁶.

Я не буду углубляться дальше в обсуждение всех этих сложных проблем историко-философского характера. Отмечу только, что моя точка зрения совпадает с мнением советского историка Л. Ренделя, который писал в одной из своих, к сожалению, неопубликованных работ: «Исторический процесс целесообразно рассматривать двояким образом. Во-первых, как процесс, где поведение людей определяется независимыми от них закономерностями и внешними условиями. Это позволяет представить подлинное положение действующих лиц на исторической сцене. Во-вторых, как процесс, *свободно направляемый* его участниками. Это позволяет лучше оценить негативные и позитивные последствия волевых решений действующих лиц»²⁷.

Переходя к поставленному в заголовке данного раздела вопросу об Октябрьской революции, мы должны ясно сказать, что ход событий в это время определялся не только неудержимым и, казалось бы, неотвратимым движением народных масс, но и организованной деятельностью партии большевиков. Победу Октябрьской революции готовили многие из деятелей партии – Л. Троцкий, Я. Свердлов, Ф. Дзержинский, И. Сталин, В. Антонов-Овсеенко, Ф. Раскольников, П. Дыбенко и другие. Однако главную роль в событиях Октября 1917 года сыграл, несомненно, В. И. Ленин, деятельность которого наложила на события XX века гораздо больший отпечаток, чем, например, деятельность Наполеона на события начала XIX века.

²³ Герцен А. И. Сочинения: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР. Т. 14. С. 46.

²⁴ Герцен А. И. Сочинения: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР. Т. 6. С. 36.

²⁵ Цит. по кн.: *Кьяромонте Н.* Парадокс истории. Рим, 1973. С. 30, 58.

²⁶ Гароди Р. Крутой поворот социализма: специздание. М., 1975. С. 11.

²⁷ Рендель Л. Об особенностях исторического развития России: рукопись. С. 159.

В анонимной рецензии на книгу А. Солженицына «Ленин в Цюрихе» журнал «Континент» писал: «Ленин в Цюрихе лишь на пороге того “подарка истории”, который преподнесет ему его величество “Случай”. Роль Ленина в подготовке русской революции ничтожна. Но в этой ничтожности уже проглядывает – какой она будет в ее эксплуатации»²⁸. Ложность подобных утверждений очевидна. Конечно, роль Ленина в Февральской революции была очень мала. Однако осенью 1917 года его роль оказалась решающей, и это понимали и почти все оппоненты большевиков. «Остаться без Ленина, – писал, например, Н. Суханов, – не значит ли вырвать из организма сердце, оторвать голову... Кроме Ленина в партии не было никого. Несколько крупных генералов без Ленина – ничто, как несколько планет без Солнца»²⁹.

Но Ленин не был пророком, представлявшим на земле какие-то высшие силы. Нет, Ленин был простым человеком, не гарантированным от ошибок и не слишком хорошо защищенным от множества подстерегавших его опасностей. Не буду говорить здесь о нескольких покушениях на жизнь Ленина. Приведу менее известный факт: при нелегальном переходе границы 15 декабря 1907 года Ленин едва не утонул, когда неокрепший лед Ботнического залива провалился под его ногами и ногами двух проводников Ленина.

В книге «Малознакомый Ленин» В. Валентинов задает риторический вопрос: «Что было бы, если 15 декабря 1907 года Ленин утонул бы в Ботническом заливе? Произошла бы Октябрьская революция 1917 года?

А если бы произошла, – приняла ли она тот особый социально-политический характер, который он своими декретами ей навязал насильственно и вопреки марксизму Плеханова, доказывавшего, что “никакой великий человек не может навязать обществу такие отношения, которые уже не соответствуют ему”? В ходе великих исторических событий, определенных Октябрьской революцией, не сыграл ли роль и такой пустяк, как пласт более крепкого льда, на который, ища спасения, сумел вскочить тонувший Ленин? Мелкая случайность в крупнейших событиях истории играет роль более важную, чем это принято думать»³⁰.

В этом рассуждении есть свой резон, ибо если бы личная судьба Ленина сложилась в 1907–1917 гг. иначе, то и судьба провозглашенной и организованной им революции могла сложиться по-иному.

Не была predeterminedена деятельность как противников, так и временных союзников большевистской партии. И с этой точки зрения очевидно, что победа Октябрьской революции не была неотвратимой. Но она не была и случайной. В любой из периодов развертывания революции обстановка допускала несколько различных альтернатив развития. Различные альтернативы развития событий сохранялись и после Октября в Петрограде. Это понимают и наиболее вдумчивые из числа западных историков. Один из них – У. Чемберлен писал еще в 1967 году: «Нельзя считать, что каждый шаг от традиционного государства Николая II к революционной диктатуре Ленина был фатально неизбежен»³¹.

Конечно, то, что уже произошло, изменить нельзя. И тем не менее изучение различных альтернатив и упущенных возможностей также должно быть частью работы историков и исторической науки. Эти знания и этот анализ могут быть полезны и для практических политиков, которые готовы учиться на уроках истории.

²⁸ Континент. 1976. № 6. С. 441.

²⁹ Суханов Н. Н. Записки о революции: книга III. Берлин; Петроград; Москва, 1922. С. 54–55.

³⁰ Валентинов Н. В. Малознакомый Ленин. Париж, 1972. С. 96.

³¹ Русское обозрение. США, 1967. С. 12.

2. О Февральской буржуазно-демократической революции

Приняв изложенные выше тезисы, нужно сделать вывод, что и Февральская демократическая революция не была абсолютно неотвратимым событием. Неудачное начало войны, которая становилась все более и более непопулярной в широких массах народа, растущие тяготы солдат в окопах, углубление хозяйственной разрухи, брожение среди интеллигенции и в кругах мелкой буржуазии, – все это делало вероятным революционное свержение самодержавия. И эта вероятность революционного развития событий непрерывно возрастала с каждым месяцем в 1916 году и с каждой неделей в январе-феврале 1917 года. Однако до событий 27–28 февраля это была все еще *вероятность*, то есть одна из альтернатив в сложившейся исторической ситуации.

Нетрудно доказать, что Россия была беременна революцией еще до вступления ее в Первую мировую войну. Ни одна из проблем, которые стали причиной революции 1905–1907 гг., не была решена. Сохранение в России основ самодержавия, представлявшего в первую очередь власть крупных землевладельцев, полуфеодалные отношения в деревне, бюрократизм и коррупция, неравноправие народов, населявших Россию, растущая зависимость от иностранного капитала, прогрессирующее обнищание значительных масс городского и сельского населения, но также идущий одновременно процесс быстрого развития капитализма – все это размывало и разрушало фундамент когда-то прочного здания императорской России. Не смогла да и не пыталась остановить ход этих разрушительных процессов и православная церковь. «Истина вынуждает меня сказать, – писал недавно А. Солженицын, – что состояние Русской церкви к началу XX века, вековое унижение ее священства, пригнетенность от государства и слитие с ним, утеря духовной независимости, а потому утеря авторитета в массе образованного класса и в массе городских рабочих, и самое страшное – поколебленность этого авторитета даже в массе крестьянства – это состояние Русской церкви *явилось одной из главных причин необратимости революционных событий* (выделено Солженицыным)... Увы, состояние Русской православной церкви к моменту революции совершенно не соответствовало глубине духовных опасностей, оскалившихся на наш век и на наш народ»³².

Возможность революции была столь очевидной, что ее видели и не столь уж дальновидные монархисты. После роспуска первой Государственной думы, показавшейся царю слишком радикальной, князь Евгений Трубецкой писал Николаю II: «Государь, стремление крестьян к земле имеет неуправляемую силу. Всякий, кто будет против принудительного отчуждения, будет сметен с лица земли. Надвигающаяся революция угрожает нам конфискацией, подвергает опасности саму нашу жизнь. Гражданская война не более чем вопрос времени... Быть может, правительству удастся теперь репрессивными мерами подавить революционное движение. Тем ужаснее будет тот последующий и последний взрыв, который ниспровергнет существующий строй и сровняет с землей русскую культуру. И вы сами будете погребены под развалинами»³³.

Хотя революция 1905 года потерпела поражение, породившие ее подспудные силы продолжали нарастать. Предпринятые П. А. Столыпиным реформы были, помимо прочего, попыткой предотвратить новую революцию. Эти реформы были, однако, недостаточно глубоки и последовательны, и они были свернуты после убийства Столыпина в 1911 году. Россия еще не «уперлась в тупик», как утверждал Л. Троцкий. Капиталистическое развитие в стране продолжалось довольно быстрыми темпами. Но ошибочным было и утверждение И. Бунина о том, что Россия «цвела и росла со сказочной быстротой, видоизменяясь во всех отношениях». В конце

³² Вестник РХД, Париж. № 112–113. С. 106–107.

³³ *Визиняк М. В.* 19 февраля 1861 года // Социалистический вестник. 1960. № 2–3.

концов именно в победоносной и не особенно продолжительной войне российская монархия рассчитывала укрепить свои позиции.

Надежды на легкую и быструю победу в войне с Германией разделялись, однако, далеко не всеми в окружении царя. Были здесь и противники войны. Еще в феврале 1914 года, когда возросла вероятность военного столкновения России и Германии, бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново писал в своей записке царю: «В случае военных неудач социальная революция в самых крайних ее проявлениях у нас неизбежна. Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная против него кампания, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги... Победенная армия окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже представлению»³⁴.

Российская монархия не вняла подобным пророчествам и вступила в войну. Но неудачно начатая, а главное, принявшая затяжной характер Первая мировая война лишь обострила все основные противоречия русского общества.

Монархия, однако, и в 1915–1916 гг. имела еще некоторые возможности для политических маневров, для компромисса с Думой и либералами, которые требовали в конце концов не таких уже больших уступок. После резких антиправительственных речей в Думе крайне правая группа, возглавляемая все тем же П. Н. Дурново, направила царю новую записку. «Либералы, – утверждалось в этой записке, – столь слабы, столь разрознены и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их стало бы столь же кратковременным, сколь и непрочным... Что дало бы при этих условиях установление ответственного министерства? Полный и окончательный разгром партий правых, постепенное поглощение партий промежуточных, центра, либеральных консерваторов, октябристов и прогрессистов и партии кадетов, которая поначалу и получила бы решающее значение. Но кадетам грозила бы та же участь. А затем? Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов»³⁵. П. Дурново был противником российско-германской войны и полагал, что только сепаратный мир может спасти царский режим.

Компромисса с монархией искали в 1916 году и те думские круги и партии, которые объединились здесь в так называемом «Прогрессивном блоке», в который вошли и кадеты и октябристы. Создание «Прогрессивного блока» показывало, что Николай II и его ближайшее окружение теряют поддержку и в буржуазно-помещичьих кругах России. И хотя речи участников «блока» в Государственной думе были подчас весьма резкими и вызывали живой отклик в стране, но, возвышая голос против правительства, лидеры оппозиционных партий требовали весьма скромных по тому времени реформ, рассчитывая таким образом предотвратить революцию. Они требовали «правительства доверия», ответственного не только перед монархом, но и перед Думой. Они не стремились к полной власти, но хотели разделить ее с монархией. Через несколько лет после революции один из лидеров «блока», крупный помещик и националист В. Шульгин в своей книге признавался в полном бессилии оппозиционных партий буржуазно-помещичьих кругов отказаться от монархического режима, – напротив, в их намерениях было стремление лишь разделить власть с монархией³⁶.

Другой лидер русских либералов В. А. Маклаков, раздумывая в эмиграции о причинах революции, приходил к выводу, что либералы «переусердствовали» в своей критике «истори-

³⁴ Ашиш Д. С. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С. 77–78.

³⁵ Дан Ф. И. Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1946. С. 444–445.

³⁶ См.: Шульгин В. В. Дни. Л., 1927. С. 124.

ческой власти», то есть русского царизма. В. Маклаков сожалел, что либералы отказались в свое время войти в кабинет С. Ю. Витте, а затем не оказали должной поддержки правительству П. А. Столыпина. Была возможность лучше подготовить Россию к войне и избежать таким образом тех поражений на фронтах, которые и «столкнули Россию в революцию». «Но Россия могла бы пройти в войне до конца. Война могла пойти для России иначе и иначе кончиться»³⁷.

В. Маклаков писал о «здоровых элементах исторической власти». Но где были эти «здоровые элементы» в 1915–1916 гг.? В окружении царя в эти годы уже не было фигур масштаба С. Витте или П. Столыпина. Поэтому, постоянно перетасовывая Совет министров, Николай II назначал на ключевые посты представителей все той же бездарной монархической бюрократии, которая была уже неспособна править страной ни в условиях мира, ни тем более в условиях войны.

Конечно, слепота правящей династии проистекала из присущих ее представителям классовых предрассудков, из нежелания царя поступиться даже долей своей власти, а помещичье-бюрократической верхушки – даже долей своих привилегий. И все же важнейшую роль в сложившейся ситуации играли такие отнюдь не детерминированные с исторической точки зрения факторы, как интеллектуальное ничтожество и безволие последнего русского царя и столь же очевидное ничтожество его фанатичной, истеричной и склонной к мистицизму супруги. «Будь Петром Великим, Иваном Грозным или Павлом – сокруши их всех», – призывала Александра Федоровна своего супруга в письме от 14 декабря 1916 года (она имела в виду в первую очередь думскую оппозицию)³⁸.

Обвиняя царя в слишком большой доброте и мягкости, царица писала: «Мне хочется, чтобы ты всех держал в руках своим умом и опытом... Они должны научиться дрожать перед тобой... Помни, что ты император, и никто не смеет брать столько на себя»³⁹.

Конечно, Николай II не был ни мягок, ни добр. Но он был бездеятелен и ленив, бесхарактерен и нерешителен, несмел и неумен. Его подавляли события, в которых он неспособен был разобраться и оттого был неспособен к какой-либо решительной инициативе.

Ускорило и облегчило революцию и то разложение российского двора, одним из симптомов которого была распутищина. Единственное, на что решился царский двор в поисках выхода из тупика, это подготовка тайных переговоров с Вильгельмом о заключении сепаратного мира с Германией. Этому предшествовало назначение председателем Совета министров Б. Б. Штюрмера, откровенного германофила. Историки и сегодня спорят о том – как далеко пошел Николай II в своих попытках наладить контакты с противником. Но даже самые робкие попытки на этом направлении усилили слухи об измене и ускорили убийство Распутина. Это убийство вызвало ликование не только в кругах Думы, но и в части дворцового окружения.

Дворцовый переворот был, несомненно, одной из альтернатив развития России в 1916 году. К такому перевороту подталкивали лидеров думской оппозиции и многие деятели Антанты. В разговорах на эту тему принимали участие не только политики, но и часть видных военных лидеров. «Мы считали, – свидетельствовал А. Керенский, – что стихийное революционное движение недопустимо во время войны. И поэтому мы ставили себе задачей поддержку умеренных и даже консервативных групп, партий, организаций, которые должны были катастрофу стихийного взрыва предотвратить в порядке дворцового переворота?»⁴⁰ По свидетельству полковника Н. И. Билибина, А. Гучков, объезжая войсковые части по поручению Красного Креста, «в интимной беседе со мной высказал серьезные опасения за исход

³⁷ *Адамович Г. В.* Василий Алексеевич Маклаков: политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 110–111.

³⁸ Переписка Николая и Александры Романовых. М., Госиздат. 1926. Т. 4. С. 129.

³⁹ Переписка Николая и Александры Романовых. М., Госиздат. 1926. Т. 3. С. 167.

⁴⁰ Дни. Париж, 1932. 22 мая.

войны. Мы единодушно приходили к выводу, что неумелое оперативное руководство армией, назначение на высшие должности бездарных царедворцев, наконец двусмысленное поведение царицы Александры, направленное к сепаратному миру с Германией, – все это может закончиться катастрофой и новой революцией, которая, на наш взгляд, грозила гибелью государству. Мы считали, что выходом из положения мог стать дворцовый переворот: у Николая нужно силой вырвать отречение от престола»⁴¹.

По свидетельству профессора Ю. В. Ломоносова, недовольство в думских кругах «было направлено в первую очередь против царя и царицы. В штабах и в Ставке царицу ругали нещадно, поговаривали не только о ее заточении, но даже о низложении Николая. Говорили об этом и за генеральскими столами. Но всегда и при всех разговорах этого рода наиболее вероятным исходом казалась революция чисто дворцовая, вроде убийства Павла...»⁴².

Однако вся эта «подготовка дворцового переворота шла крайне вяло и ограничивалась в основном разговорами. Ни в придворных кругах, ни в “Прогрессивном блоке” не было человека, который взял бы на себя ответственность и возглавил заговор. Конечно, это обстоятельство не было детерминировано. Лидеры Думы не теряли надежды и на стговор с царем, пугая его неминуемой в ином случае революцией. Еще 10 февраля 1917 года председатель Думы М. В. Родзянко в своем последнем “всепопданнейшем” докладе царю говорил о близости революции. Царь Николай II отверг этот доклад. Раздраженный Родзянко заявил: “Я Вас предупредил и я убежден, что не пройдет и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет Вас, и Вы не будете царствовать...” – “Откуда Вы это берете”, – спросил царь. – “Из всех обстоятельств, как они складываются”. – “Ну, бог даст”. – “Бог ничего не даст, революция неминуема”»⁴³.

Некоторые из генералов были против переворота, но их было явное меньшинство. Большинство командующих фронтами поддержали идею дворцового переворота, который в конце концов был намечен на март 1917 года. Как свидетельствовал один из участников заговора генерал А. Деникин, «в состав образовавшихся кружков входили члены правых и либеральных кругов Думы, члены императорской фамилии и офицерство. Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей... В случае неуспеха, в первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае его несогласия физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович»⁴⁴.

Счет шел, однако, уже не на месяцы, а на дни и недели. Еще 5 января охранное отделение доносило министру внутренних дел А. Д. Протопопову: «Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. В обществе циркулируют самые дикие слухи – как о намерениях правительственной власти, так равно и о предположениях, враждебных этой власти групп и слоев населения, в смысле возможных революционных начинаний и эксцессов. Все ждут каких-то исключительных выступлений как с той, так и с другой стороны»⁴⁵.

Еще через день – 6 января та же охранка пыталась обобщить свои наблюдения. В ее новом донесении Протопопову говорилось: «Переживаемый момент очень похож на время, предшествовавшее первой революции 1905 года. Либеральные партии верят, что в связи с наступлением ужасных и неизбежных событий правительственная власть должна будет пойти на

⁴¹ Цит. по кн.: Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 года. М., 1974. С. 156.

⁴² Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 15.

⁴³ Блок А. А. Последние дни старого режима: архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 22–23.

⁴⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. I. Вып. I. Париж, 1922. С. 38.

⁴⁵ Пролетарская революция. 1923. № 1. С. 6.

уступки и передать всю полноту власти в руки кадет. Левые же партии доказывают, что власть не пойдет на уступки, что наступит стихийная и анархическая революция, и тогда создастся почва для превращения России в свободное от царизма государство, построенное на новых социальных началах»⁴⁶.

Вероятность именно революционного развития нарастала теперь с каждым днем, и революция становилась почти неотвратимой. И царский двор и правительство оказались в январе и феврале полностью изолированными. Сложилось положение, когда небольшой повод мог вызвать всеобщее выступление, особенно в Петрограде. Лидер меньшевиков Н. Чхеидзе, выступая 14 февраля 1917 года в Думе, говорил: «Улица, господа начинает говорить. Плохо ли это, хорошо ли, но ведь факта, господа, не выкинешь. И я полагаю, что мы не можем не считаться с указаниями этой улицы»⁴⁷. Однако правящую монаршую семью поразила слепота. Еще 24 февраля 1917 года Александра Федоровна писала в Ставку своему венценосному супругу: «Я надеюсь, что думского Кедринского (речь шла об А. Керенском) повесят за его ужасные речи, – это необходимо по законам военного времени, и это будет примером. Все жаждут и умоляют, чтобы ты проявил свою твердость»⁴⁸. И царь попытался проявить твердость. В ответ на просьбу лидера октябристов М. В. Родзянко продлить полномочия Думы царь ответил Указом о приостановлении деятельности Государственной думы с 26 февраля 1917 года. В эти же дни в ответ на стачки рабочих и работниц из-за продовольственных затруднений в столице 22 петроградских предприятия объявили локаут, то есть увольнение всех рабочих. Неудивительно, что забастовки и стачки в столице стали перерастать в восстание. Судьбу начавшейся в конце февраля революции решили военные части Петроградского гарнизона – запасные батальоны находившихся на фронте гвардейских полков – Павловского, Литовского, Волынского, Преображенского, присоединившихся к рабочим. После недолгих колебаний к восстанию присоединились и казачьи полки. Рабочие захватили арсенал, Петропавловскую крепость, освободили заключенных из тюрем. Одновременно с Временным комитетом Государственной думы начал формироваться и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

27 февраля Родзянко послал царю новую телеграмму: «Положение ухудшается, надо принять немедленные меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии». И это был действительно последний час. Но царь, прочитав телеграмму, сказал своему приближенному Фредерику: «Опять этот Родзянко написал всякий вздор, на который я ему даже не стану отвечать»⁴⁹.

27 февраля судьба монархии была уже решена. Даже Совет министров, часть которого была уже арестована, послал царю телеграмму, прося создать «ответственное министерство» и заявляя, что министры не могут выполнять свою работу. Царь запретил перемены в правительстве, и в сопровождении нескольких воинских подразделений поезд царя выехал в столицу. В телеграмме царице Николай писал: «Выехали сегодня утром в 5. Мыслями всегда вместе. Великолепная погода. Надеюсь, чувствуете себя хорошо и спокойно? Любящий нежно Ники»⁵⁰.

Но путь в столицу был закрыт, и царский поезд повернул к Пскову.

В этом поезде 2 марта Николай II подписал отречение от престола в пользу Михаила Александровича, своего младшего брата. Однако на следующий день отречение подписал и Михаил. В Таврическом дворце проводились первые заседания Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. По соглашению с ним 3 марта было сформировано Временное правительство из представителей партий кадетов, октябристов и прогрессистов. Во главе пра-

⁴⁶ *Ашин Д. С.* Революция 1917 года... С. 49.

⁴⁷ Государственная дума: стенографический отчет. Сессия V. Петроград, 1917. С. 1297.

⁴⁸ Пролетарская революция. 1923. № 1. С. 23.

⁴⁹ Пролетарская революция. 1923. № 1. С. 27.

⁵⁰ Пролетарская революция. 1923. № 1. С. 35.

вительства стоял князь Г. Е. Львов. Министром иностранных дел в нем стал П. Н. Милюков (кадет), военным и морским министром А. И. Гучков (октябрист). Вошел в правительство в качестве министра юстиции и А. Ф. Керенский.

Александр Солженицын полагает, что даже в эти февральско-мартовские дни можно было еще спасти монархию. Он писал: «Не Россия отреклась от Романовых, но братья Николай и Михаил навсегда отrekliсь от нее за всех Романовых – в три дня от первых уличных беспорядков в одном городе, не попытавшись даже бороться, предавши всех – миллионное офицерство! – кто им присягал»⁵¹.

Но это было не так. Именно Россия отвернулась в эти февральско-мартовские дни от Романовых. Почти не было в те дни генералов и офицеров, которые, повинувшись присяге, готовы были проливать кровь за Романовскую династию. А тем более не было солдат, которые стали бы выполнять приказания верных царю генералов и офицеров. Революция победила еще до отречения Николая и Михаила, и потому мы называем ее Февральской. Этот конец самодержавия был, конечно, закономерен. Но он вовсе не был именно в такой конкретной форме единственно возможным результатом тех социальных, экономических и политических процессов, которые происходили в России в начале XX столетия.

3. Об Октябрьской социалистической революции

Если о Февральской революции нельзя сказать, что она была абсолютно неотвратимым событием, то тем более этого нельзя сказать об Октябрьской социалистической революции. Конечно, уже с весны 1917 года в России возникла возможность новой революции, которая могла передать власть из рук буржуазии в руки пролетариата и в руки большевиков. Это позволило Ленину не только провозгласить лозунг «Вся власть Советам!», но и закончить свою краткую речь на Финляндском вокзале призывом к социалистической революции. Этот курс на непрерывное развитие революции, перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую был принят на Апрельской Всероссийской конференции РСДРП(б) в конце апреля. Когда на Первом Всероссийском съезде Советов лидер меньшевиков И. Церетели стал утверждать, что в России в настоящий момент (июнь 1917-го) нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки всю власть, уйдите и мы займем ваше место, – то Ленин, перебив оратора, громко воскликнул: «Есть такая партия!» Он имел в виду партию большевиков, которая на Первом съезде Советов имела всего 105 делегатов из более чем 1000 делегатов⁵².

Влияние большевиков, однако, быстро росло, и это показала, в частности, стихийно начавшаяся и едва не перешедшая в восстание июльская демонстрация в Петрограде. Временное правительство сумело разогнать эту демонстрацию. Часть большевистских лидеров была арестована, другие, включая Ленина и Зиновьева, перешли на нелегальное положение. Однако влияние большевиков в массах продолжало расти, и это продемонстрировал VI съезд партии, нацеливший большевиков на организацию вооруженного восстания.

Во многих отношениях именно август 1917 года стал месяцем перелома в политической ситуации в стране. Опираясь на часть армии, генеральская контрреволюция лихорадочно собирала силы, чтобы остановить революцию, используя временное поражение большевиков. Казалось, что дело социалистической революции на этом этапе проиграно. Еще в конце июля Ленин писал: «Всякий внимательный рабочий, солдат, крестьянин должен внимательно вдуматься в

⁵¹ Солженицын А. И. Письма из Америки // Вестник РХД. 1975. № 116. С. 127.

⁵² История Гражданской войны в СССР. М., 1937. Т. 1. С. 133.

уроки русской революции, особенно теперь в конце июля, когда стало видно, что первая полоса нашей революции кончилась неудачей»⁵³.

Для контрреволюции главной задачей в эти летние недели было объединение своих основных сил – буржуазии и ее партий, офицерства, казачьих верхов, правых лидеров меньшевиков и эсеров. Эта задача не была легкой, но она не казалась и абсолютно невыполнимой. Во всяком случае союз или соглашение Керенского и генерала Корнилова против большевиков были во второй половине августа значительно более вероятными, чем их неожиданно быстро развившееся противостояние. Решительное выступление Керенского против Корнилова перепутало все карты и привело к неоформленному и временному компромиссу между Керенским и большевиками, на которых он только и мог тогда опереться в своей борьбе с Корниловским мятежом. Сам Ленин был удивлен тогда этим «в такой момент и в такой форме неожиданным и прямо-таки невероятно крутым поворотом событий»⁵⁴. Однако Ленин не растерялся и с другими лидерами большевиков он с удивительной быстротой перестроил всю политику партии, чтобы использовать в целях развития революции столь неожиданно открывшиеся новые шансы. «Невероятно было бы думать, – писал Ленин 30 августа 1917 года, – что мы *далее* отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет, мы чрезвычайно приблизились к ней, но *не прямо*, а со стороны. И агитировать надо *сию минуту* не столько прямо против Керенского, сколько *косвенно* против него же именно: требуя активной и активнейшей революционной войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может нас привести к власти и говорить в агитации об этом поменьше надо (твердо памятуя, что завтра события могут вас поставить у власти и тогда мы ее не выпустим)»⁵⁵.

Ленинский прогноз оказался правильным. Выступление Керенского против Корнилова оттолкнуло от Временного правительства все правые силы, включая кадетов. Большая часть офицерства относилась теперь к Керенскому с нескрываемым презрением. После разгрома Корниловского мятежа власть Керенского была настолько иллюзорной и слабой, что Ленин уже в сентябре 1917 года считал победу большевиков вполне обеспеченной и поэтому непрерывно торопил и подталкивал колеблющееся большинство ЦК. Петроградский и Московский советы стали принимать осенью 1917 года большевистские резолюции. Л. Троцкий был освобожден из тюрьмы и возглавил в сентябре Петроградский совет.

Нет необходимости писать здесь о событиях сентября и октября 1917 года, о создании Предпарламента, о подготовке к выборам в Учредительное собрание, о лихорадочных попытках Керенского укрепить власть Временного правительства и, наоборот, о растущем влиянии большевиков и их давлении на это правительство. 10 и 16 октября 1917 года ЦК РСДРП(б) на своих заседаниях принял решение о вооруженном восстании, которое фактически началось 24 октября 1917 года.

Перед тем как покинуть свою последнюю нелегальную квартиру и перейти в Смольный, где заседал Петроградский совет и готовилось заседание Второго съезда Советов всей России, Ленин отправил в ЦК партии письмо, примечательное как по тону, так и по содержанию. «Я пишу эти строки вечером 24-го, – говорилось в этом “Письме к товарищам”, – положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно. Надо во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д. Ни в коем случае не оставлять власть в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом: решать дело непременно сегодня вечером или ночью. История не простит промедления революционерам,

⁵³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 55.

⁵⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 119.

⁵⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 121.

которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять всё»⁵⁶.

Письмо Ленина лишний раз показывает его огромную личную роль в происходивших в России в 1917 году революционных событиях. Именно Ленин, вернувшись в Россию в начале апреля, сумел переубедить и переориентировать партию на основе своих «Апрельских тезисов». Без Ленина партии трудно было бы пройти через несколько кризисов 1917 года, не потеряв, а нарастив свои силы и свое влияние. Именно Ленин наметил конкретный тактический план и время восстания и разработал программу первых мероприятий будущего советского правительства. Эти примеры можно продолжить. Нельзя поэтому согласиться с теми историками, которые писали о неотвратимости Октябрьской революции. Гораздо ближе к истине академик А. М. Румянцев, который писал: «Путь от Февраля к Октябрю не был прямолинейным, победа большевиков не была “запрограммированной”, то есть неотвратимой с самого начала. Большевикам для завоевания на свою сторону большинства народа пришлось преодолеть гигантские трудности»⁵⁷.

Не была, впрочем, запрограммирована заранее и деятельность политических противников большевиков и, в частности, партий меньшевиков и эсеров, оказавшихся уже в феврале 1917 года во главе Советов, а после июльского кризиса и во главе Временного правительства. Эти партии (которые также считали себя социалистическими), несмотря на свою организационную слабость, были вынесены революционным половодьем на авансцену политической жизни. На протяжении нескольких месяцев в их руках были главные рычаги политической власти. Они цеплялись за коалицию с буржуазными партиями и хотели сохранить ее даже после поражения Корниловского мятежа. Оказавшись ведущей силой в составе власти, эсеры и меньшевики не сделали ничего существенного для проведения в жизнь своих же собственных политических программ, уступив инициативу большевикам.

Так, например, можно было ожидать, что инициатива в разрешении земельного вопроса в России будет исходить в 1917 году именно от партии эсеров. Именно в их программе центральное место занимало требование «социализации» всех частновладельческих земель, то есть «изъятие их из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние». В эсеровской программе говорилось: «Все земли поступают в заведывание центральных и местных органов самоуправления... Пользование землей должно быть уравнильно-трудовым, то есть обеспечивать потребительскую норму на основании собственного труда или в товариществе»⁵⁸.

Именно под руководством эсеровских организаций летом 1917 года были составлены 342 местных крестьянских наказа, которые легли потом в основу общего крестьянского «Наказа», опубликованного в «Известиях» Всероссийского Совета крестьянских депутатов еще 19 августа 1917 года. Не большевистская «Правда», а официальная газета эсеровской партии писала в сентябре 1917 года в передовой статье: «Почти ничего не сделано до настоящего времени для уничтожения тех кабальных отношений, которые все еще господствуют в деревне именно Центральной России. Закон об упорядочении земельных отношений в деревне застрял в каких-то канцеляриях. Разве мы не правы, утверждая, что столыпинская хватка еще сильно дает о себе знать в приемах революционных министров»⁵⁹.

Не эсеры, а большевики сразу же после победы Октября объявили крестьянский «Наказ» временным законом, обязательным к исполнению на всей территории России. Выступая на Втором Всероссийском съезде Советов, Ленин говорил: «Здесь раздаются голоса, что сам

⁵⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 436.

⁵⁷ Румянцев А. М. Проблемы современной науки об обществе. М.: Наука, 1969. С. 23.

⁵⁸ Программы русских политических партий. М., 1917. С. 18–19.

⁵⁹ Дело народа. 1917. 29 сентября.

декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы с ним были не согласны»⁶⁰.

Большевики, таким образом, провели в жизнь программные требования эсеровской партии, которые не решилась вовремя провести сама эта партия.

Известно, что радикальному решению земельного вопроса мешала позиция правых лидеров эсеров – Н. Д. Авксентьева, В. М. Чернова, А. Ф. Керенского. Не без их ведома и участия Временное правительство летом и осенью 1917 года санкционировало посылку военных отрядов для предотвращения самовольного захвата крестьянами помещичьих земель. Только в октябре, когда крестьянское движение в России стало принимать характер аграрной революции, а среди крестьянства стало быстро расти влияние как левых эсеров, так и большевиков, лишь в эти дни стала меняться и позиция правого крыла эсеровской партии. Так, 16 октября 1917 года Объединенная комиссия Временного правительства и Совета Республики спешно провела законопроект, который временно отдавал землю крестьянам. Но эта мера уже не произвела на крестьянские массы такого впечатления, на какое рассчитывал А. Керенский. На местах мало кто узнал об этом новом законе, так как информационные связи между столицей и деревней были тогда еще очень слабые.

Не была абсолютно детерминирована и внешняя политика Временного правительства. Я уже писал выше, что крах самодержавия был ускорен одними лишь слухами о попытках двора заключить сепаратный мир с Германией. Буржуазные круги России все еще хотели вести войну «до победного конца». Поэтому Временное правительство стремилось восстановить боеспособность армии и подготовить ее к новому наступлению на главных фронтах. Но после неудачи июньского наступления настроение в стране и в армии резко изменилось, что привело и к изменениям в составе Временного правительства. К началу осени вопрос о мире стал главным политическим вопросом в стране. За мир выступали теперь не только большевики, но и левые фракции меньшевиков и эсеров. Так, например, Л. Мартов в своей речи в Совете Республики требовал немедленного заключения мира, ибо иначе «от русской армии ничего не останется, и даже сама Россия станет предметом торга между империалистическими державами»⁶¹.

Всего за несколько дней до Октябрьского переворота военный министр А. И. Верховский сделал в одной из комиссий Предпарламента секретный доклад о положении в армии. По свидетельству М. К. Скобелева, Верховский, в частности, заявил: «Я сказал прямо и просто всему составу Временного правительства, что при данной постановке вопроса о мире катастрофа неминуема <...> В самом Петрограде ни одна рука не вступится в защиту Временного правительства, а эшелоны, затребованные с фронта, перейдут на сторону большевиков. Действия правительства ведут к катастрофе». Если судить по сохранившимся черновикам протоколов и записям самого Верховского, его доклад правительству сводился к следующим тезисам: «Положение на фронте катастрофично. Выхода нет. Всякие попытки восстановления боевой мощи не способны преодолеть разлагающую пропаганду мира. Здесь тупик. Единственная возможность бороться с тлетворным влиянием большевиков – это вырвать у них почву из-под ног и самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира. Весть о мире внесет в армию оздоравливающее начало. Опираясь на наиболее сохранившиеся части, можно было бы силой подавить анархию в стране»⁶².

Ознакомившись с этим докладом, А. Керенский был крайне разгневан и отправил военного министра в отставку. Однако позицию Керенского в вопросах войны и мира перестал

⁶⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 27.

⁶¹ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1959. С. 40.

⁶² Ашиш Д. С. Революция 1917 года... С. 365, 367.

поддерживать в эти дни не только лидер меньшевиков Ф. И. Дан, но и лидер правых эсеров А. Р. Гоу.

Уже после победы Октябрьской революции английский посол в России Джордж Бьюкенен дал телеграмму своему Министерству иностранных дел, советуя «освободить Россию от данного ею слова и сказать ее народу, что принимая во внимание изнуренность, вызванную войной, и дезорганизацию, связанную с любой великой революцией, мы предоставляем им право самим решать – хотят ли они заключить мир с Германией на ее условиях или продолжать войну на стороне союзников. Требовать от России выполнения обязательств, установленных соглашением 1917 года, было бы с нашей стороны игрой на руку Германии»⁶³.

Историк Луис Фишер, комментируя эту телеграмму, справедливо замечал: «Если бы посол отправил такую депешу шестью месяцами раньше и убедил своих начальников в ее разумности, и если бы другие западные послы в Петрограде поступили таким же образом и имели такой же успех, то советской власти, может быть, и не было бы. Не было ничего, ни в истории, ни на небесах, что предопределяло бы происшедшие события»⁶⁴. Вскоре после Октябрьской революции в Петрограде был созван съезд партии правых эсеров. Большинство выступающих на съезде видели главную причину поражения партии в неправильной тактике эсеровского ЦК, оказавшегося неспособным к решительным действиям. В резолюции съезда по текущему моменту указывалось на то, что необходимый для социалистической демократии этап коалиции с буржуазией сослужил большую службу весной 1917 года. Но в дальнейшем этот союз перестал оправдывать себя, и от него следовало отказаться. Однако эсеровская партия не проявила достаточной решительности и не взяла вовремя власть в свои руки, оставив эту власть до конца «в руках ослабленного, обесцвеченного, потерявшего популярность правительства, сделавшегося легкой добычей первого же заговора»⁶⁵.

Русская буржуазия хотела вести войну «до победного конца». Но она вовсе не желала вести войну *во что бы то ни стало*, даже ценой потери своей власти. Уже через несколько месяцев после Октябрьской революции генерал П. Краснов, возглавивший Донское правительство, заключил союз с германским командованием и разрешил германским подразделениям вступить на территорию Донской области. Добровольческая армия Л. Каледина и А. Деникина сохраняла верность Антанте. Однако еще в августе 1918 года глава кадетов П. Милюков писал конфиденциально Деникину, что нужно соглашаться на мир с Германией, на независимость Польши и Финляндии, даже на благожелательный нейтралитет в отношении Германии, лишь бы немецкие власти помогли созданию в России национального правительства во главе с великим князем Михаилом Александровичем⁶⁶.

Не была предопределена и политика Временного правительства по отношению к Учредительному собранию. Была возможность созвать Учредительное собрание уже через несколько месяцев после Февральской революции, то есть летом 1917 года. Это существенно укрепило бы власть и мелкобуржуазных партий. Однако Временное правительство намеренно затягивало созыв Учредительного собрания. Как писал один из историков в эмиграции: «Временное правительство не сумело правильно рассчитать свое время и не успело выполнить свою задачу, для решения которой оно было создано. В этом именно и был его исторический провал»⁶⁷.

Из сказанного выше очевидно, что и Октябрьская революция вовсе не была абсолютно неотвратимым событием. Октябрь даже в большей степени, чем Февраль, был реализацией одной из альтернатив возможного исторического развития России. Это событие не было ни

⁶³ Фишер Л. Жизнь Ленина. Лондон, 1970. С. 232 (на рус. яз.).

⁶⁴ Фишер Л. Жизнь Ленина. Лондон, 1970. С. 233.

⁶⁵ Спирин Л. М. Классы и партии в Гражданской войне в России. М., 1968. С. 82–83.

⁶⁶ Пионтковский С. А. Гражданская война в России: хрестоматия. М., 1927. С. 206–207.

⁶⁷ Кирюшин Б. Т. Пути российской революционности. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959.

случайным, ни абсолютно неизбежным, но, как и всякое историческое событие, оно было сочетанием необходимости и случайности.

4. О стихийности и организации масс в 1917 году

Вопрос о соотношении между стихийностью и организацией в революционном движении давно занимал русские революционные партии. Меньшевики утверждали, ссылаясь на опыт Европы, что массовые народные революции всегда начинаются стихийно. Поэтому никакая партия не может «назначить» революцию в России: эта революция придет сама и ее нельзя «организовать». Партия должна быть готова к революции, члены партии должны вести агитацию и пропаганду, способствуя прояснению целей революции и выдвижению народных вождей. Но народными движениями нельзя руководить подобно тому, как полководец руководит действиями войск во время сражения.

После массовых выступлений в январе 1905 года меньшевики писали в «Искре» (тогда уже меньшевистской), что этот подъем стихийной массовой пролетарской борьбы решительно опровергает как либеральных маловеров, не веривших в то, что «народ заговорит», так и большевиков – этих «утопистов конспиративной организации», которые считали возможным «механическим рычагом агентуры двигать по своему усмотрению миллионную армию рабочего класса»⁶⁸. Задача социал-демократов, как писал тогда Л. Мартов, «не столько организовывать народную революцию, сколько развязывать ее»⁶⁹. Сходной точки зрения придерживались в то время и ведущие социал-демократы Европы. «Революции не поддаются воспитанию, – писала Роза Люксембург, – масса должна быть действующим хором, а руководители лишь “персонажами с речами”, “истолкователями массовой воли”». Даже требования большевиков о военно-технической подготовке восстания Р. Люксембург считала утопическими⁷⁰.

Иной была позиция большевиков. Они не отрицали ни возможности, ни важности стихийных революционных выступлений, подобных январским выступлениям петроградского пролетариата в 1905 году или восстанию на броненосце «Потемкин». Уже позднее, подводя опыт также и Февральской революции, В. И. Ленин писал: «Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости, это несомненно»⁷¹. Но одной стихийности мало. Именно стихийность, неорганизованность и связанная с этим разрозненность революционных выступлений были главной причиной неудачи революции 1905–1907 гг. «Не может быть назначена народная революция, – писал Ленин. – Но назначить восстание, если его действительно готовили и если народное восстание возможно в силу совершившихся переворотов в общественных отношениях, вещь вполне осуществимая»⁷².

Одну из своих статей в газете «Вперед» Ленин озаглавил «Должны ли мы организовывать революцию?». Его ответ был положительным.

Революция 1905–1907 гг. не разрешила этого спора. Тогда потерпели поражение и массовые стихийные выступления рабочих, крестьян и моряков, но не привело к победе и такое заранее спланированное и организованное большевиками и эсерами выступление, как декабрьское вооруженное выступление рабочих в Москве.

Февральская революция была в значительной степени результатом стихийного взрыва недовольства петроградских рабочих, работниц и гарнизона. К революции неожиданно для властей примкнули и находившиеся в столице казачьи полки. Сопrotивление отдельных поли-

⁶⁸ Искра. 1905. № 34.

⁶⁹ Искра. 1905. № 85.

⁷⁰ Люксембург Р. Всеобщая забастовка. С. 55, 108.

⁷¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 217.

⁷² Ленин В. И. ПСС. Т. 9. С. 259.

цейских подразделений было быстро сломлено: фигуры жандармов исчезли с улиц города. Революция, возникшая в столице, как пожар охватила всю страну и была поддержана на всех фронтах. Н. Бердяев писал: «Нельзя даже сказать, что Февральская революция свергла монархию в России. Монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников»⁷³. Иными словами, Февральская революция произошла примерно так, как и представляли себе политическую революцию меньшевики: никто эту революцию не назначал, никто заранее не составлял плана ее развертывания ни в Петрограде, ни по всей стране. Не удалось позднее установить имена тех солдат, которые подняли Волынский полк на поддержку бастующих рабочих, – событие, ставшее переломным в дни революции.

О стихийности и неожиданности Февральской революции писали впоследствии и многие из ее участников и ученые-историки. «Ни одна организация, – писал В. Базаров, – не может приписать себе чести руководства первыми днями революции»⁷⁴. Активный участник февральских событий в Петрограде Н. Суханов также свидетельствовал: «Ни одна партия не готовилась к великому перевороту. Все мечтали, предчувствовали, “ощущали”⁷⁵. Эсер В. Зензинов писал вскоре после падения монархии: «Революция ударила как гром с неба и застала врасплох не только правительство, Думу, существующие общественные организации, она явилась неожиданностью и для нас, революционеров»⁷⁶.

Через десять лет после революции меньшевик О. А. Ерманский вспоминал: «Улица была окончательно завоевана рабочими массами, которые двигались как лавина. Это было стихийное движение, в котором не было оформленной и непосредственной цели. Были ли тут попытки какого-либо руководства – не знаю. Кажется, не было»⁷⁷.

Этот же тезис о полной неожиданности и стихийности Февральской революции повторяется и во многих западных исторических исследованиях. «Февральская революция, которую все революционные партии ожидали, – писал, например, М. Файнсон, – застала всех их врасплох»⁷⁸.

Американский историк А. Уолш также утверждал: «Февральская революция ни в каком смысле не была большевистским или марксистским движением. По своим причинам, организации или руководству она была хаотичным движением»⁷⁹.

В. И. Ленин также не раз отмечал стихийный по преимуществу характер февральских событий в России. Он писал: «В феврале массы создали Советы раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, – вот кто создал эту форму пролетарской власти»⁸⁰.

Верно, однако, и то, что неожиданность и быстрота революционного взрыва в 1917 году, который *в этой его форме* действительно никто не мог предвидеть, была связана с огромной подготовительной работой всех революционных партий в предшествующие годы. Уже революция 1905–1907 гг. была «генеральной репетицией» революционных событий 1917 года. Сам царизм, призывая в армию и обучая обращению с оружием миллионы крестьян и рабочих, проводил, помимо своей воли, военно-техническую подготовку революции. Немалое значение для развертывания революционных событий имело массовое пополнение младшего офицерского корпуса представителями интеллигенции, студенчества, а также отличившимися на

⁷³ Русская мысль. Париж, 1974. 8 августа.

⁷⁴ Базаров В. Первые шаги русской революции: 1917 // Летопись. № 2–4. С. 379.

⁷⁵ Суханов Н. Н. Записки о революции: книга I. С. 19.

⁷⁶ Дело народа. 1917. 15 марта.

⁷⁷ Ерманский О. А. Из пережитого. М. – Л., 1927. С. 141.

⁷⁸ Файнсон М. Как управляется Россия. Кембридж, 1963. С. 60.

⁷⁹ Уолш А. Россия и Советский Союз. 1958. С. 370.

⁸⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 6.

войне солдатами и рядовыми казаками. Вероятные союзники рабочего класса – крестьяне – стояли вооруженные и организованные в качестве военных гарнизонов во всех крупных городах, при этом особенно крупные гарнизоны были в Москве и Петрограде.

Надо ответить также, что не одни лишь левые, но и часть правых и либеральных центристских партий своей критикой царского правительства также способствовали подготовке революции. Многие речи известных думских ораторов распространялись через газеты или в списках не только в буржуазно-либеральных кругах, но и среди студенчества, интеллигенции, в офицерских кругах и среди части рабочего класса. Милюков говорил, что, критикуя правительство, Дума сдерживает толпу и таким образом охраняет власть. Но это была иллюзия. Ближе к истине был В. Шульгин, который постоянно задавал себе вопрос: «Не слишком ли сильно Прогрессивный блок критикует правительство, уверяя, что оно никуда не годится? Не помогает ли это революции? Сдерживаем ли мы или разжигаем революцию?»⁸¹ И действительно, критика правительства в Думе в сочетании с тупой неуступчивостью царской власти объективно помогала развитию и расширению революционных настроений в обществе.

Подготовке Февральской революции служила деятельность меньшевиков, эсеров, народников и других близких им политических групп и течений, включая и различные националистические течения и партии. Занимая, как правило, оборонческую позицию, эти группы и партии все более резко критиковали правительство и монархию. В одном из воззваний меньшевиков-оборонцев осенью 1916 года ясно говорилось об «устранении, свержении или уничтожении того режима, который привел страну на край гибели». Здесь же говорилось, что «демократизация страны не может быть отделена от ее защиты»⁸².

Еще более настойчивую работу по подготовке революции проводили большевики, хотя их деятельность не была столь заметна, как деятельность «Прогрессивного блока». Только большевики сумели создать и сохранить в основных пролетарских центрах разветвленную подпольную организацию, отдельные звенья которой проникали и в армию. Еще во время войны в Россию вернулся из эмиграции А. Г. Шляпников, который возглавил Русское бюро ЦК. Накануне Февральской революции в докладе ЦК РСДРП(б) Шляпников писал: «По сравнению с тем, как обстоят дела у других, у нас – блестяще. Можно сказать, что всероссийская организация в данное время есть только у нас. Большевики, объединенцы и прочие отколовшиеся вновь вступают в ряды партии. Политическая борьба с каждым днем обостряется. Недовольство бушует по всей стране. Со дня на день может вспыхнуть революционный ураган. Настроение угрожающее»⁸³.

Почти все стачки и демонстрации, проводившиеся в январе и феврале 1917 года, имели своих руководителей, они координировались районными комитетами и Петроградским комитетом большевиков. К концу февраля 1917 года большевистские организации по всей стране насчитывали 24 тысячи человек, из них в Москве было около 600 человек, а в Петрограде около двух тысяч⁸⁴.

«Эти люди, – писал в те дни о большевиках Н. Суханов, – варились в совершенно иной работе, обслуживая технику движения, форсируя решительную схватку с царизмом, организуя агитацию и нелегальную печать»⁸⁵.

Из всех приведенных выше фактов и соображений не следует, однако, что революция в феврале не была по преимуществу стихийной, что ее главными организаторами были большевики и что революционные события развивались по какому-то тайному, но четкому плану, раз-

⁸¹ Шульгин В. В. Дни. С. 136.

⁸² Канун революции. Петроград, 1918. С. 104.

⁸³ Вопросы истории КПСС. 1965. № 9. С. 81.

⁸⁴ Вопросы истории КПСС. 1965. № 9. С. 81.

⁸⁵ Суханов Н. Н. Записки о революции: книга I. С. 50.

работанному Русским бюро ЦК. Однако столь же неверным было бы утверждать, что революция никем по-настоящему не готовилась и всех застала врасплох. Истина лежит между этими крайними точками зрения. К этой истине близко подошел Л. Троцкий, который позднее писал в своей книге о Февральской революции: «Мистика стихийности ничего не объясняет. Чтобы правильно оценить обстановку и определить момент удара по врагу, нужно было, чтобы у массы, у ее руководящего слоя, были свои запросы к историческим событиям и свои критерии их оценки. Другими словами, нужна была не масса вообще, а масса петроградских рабочих и вообще русских рабочих, прошедших через революцию 1905 года, через московское восстание декабря 1905 года... Нужно было, наконец, наличие в частях самого гарнизона передовых солдат, захваченных или хотя бы задетых в прошлом революционной пропагандой. На каждом заводе, в каждом цеху, в каждой роте, в каждой чайной, в военном лазарете, на этапном пункте, даже в обезлюдевшей деревне шла молекулярная работа революционной мысли. Везде были свои истолкователи событий, главным образом из рабочих, у которых справлялись, что слышно, от которых ждали нужные слова... Элементы опыта, критики, инициативы, самоотвержения пронизывали массу и составляли внутреннюю, недоступную поверхностному взгляду, но тем не менее решающую механику революционного движения как сознательного процесса»⁸⁶.

Большевистские организации Петрограда, конечно, и готовились к революции и готовили ее. Но даже они не предполагали, что события развернутся со столь стремительной быстротой. Показательно, что на 23 февраля большевики не намечали никаких стачек и демонстраций. Только на 1 мая 1917 года была намечена всеобщая забастовка и манифестации на улицах⁸⁷.

Но события обогнали этот план. Именно 23 февраля начались стихийные выступления петроградских работниц, к которым вскоре примкнула большая часть рабочего класса Петрограда. Контроль за начавшимся массовым движением не был, однако, утрачен. Все партийные комитеты большевиков немедленно присоединились к движению, стремясь не только политически его оформить, но и выдвинуть вперед своих представителей.

Немалую роль в событиях первых дней и недель революции играли и отдельные группы меньшевиков и эсеров. Меньшевики в это время пользовались еще большим влиянием на многих предприятиях, а эсеры – среди солдат гарнизона. В самом первом составе исполкома Петроградского совета большевиков еще не было. В первые дни революции руководство Петроградским советом оказалось в руках трех лиц: Ю. Стеклова, не примыкавшего тогда ни к большевикам, ни к меньшевикам, Н. Суханова, который примыкал к группе меньшевиков-интернационалистов, и Н. Соколова, который в это время примыкал к левому крылу меньшевиков. При участии этих людей был составлен и знаменитый «Приказ № 1» Петроградского совета – о демократизации в армии. С возвращением в Петроград других, более авторитетных деятелей социалистических партий эти первые активисты Петроградского совета отошли на задний план.

Важно проследить и за позицией В. И. Ленина в январе-феврале 1917 года. В нейтральной Швейцарии, оторванный от России, Ленин внимательно следил за событиями в России, в Европе и во всем мире. Конечно, он ждал революции и в России и во всей Европе и делал все, что было в его силах, чтобы приблизить этот революционный взрыв. Ленин был уверен, что мировая война кончится революцией в большинстве стран Европы, но он, конечно, не мог предвидеть конкретного хода политических и военных событий. Ленин хорошо видел, что именно Россия является наиболее слабым звеном среди воюющих стран, и он тщательно продумывал возможные альтернативы развития событий. Часто ссылаются в этой связи на доклад Ленина для швейцарской молодежи об уроках революции 1905 года. В этом докладе в

⁸⁶ Троцкий Л. Д. Февральская революция. С. 178–179.

⁸⁷ Большевики в Февральской революции 1917 года. М., 1971. С. 142.

январе 1917 года Ленин, в частности, говорил: «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистической войны, муки дороговизны повсюду порождают революционное настроение. Господствующие классы все больше и больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода. Ближайшие годы как раз в связи с этой хищнической войной приведут в Европе к народным восстаниям под руководством пролетариата против власти финансового капитала, против крупных банков, против капиталистов, и эти потрясения не могут закончиться ничем иным, как только экспроприацией буржуазии и победой социализма. Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу высказать надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»⁸⁸.

Очевидно, что фраза о «стариках» в данном контексте была не более чем риторическим приемом. Ленин был глубоко уверен, что революция не за горами. Н. К. Крупская вспоминала: «Никогда, кажется, не был так непримиримо настроен Владимир Ильич, как в последние месяцы 1916 и в первые месяцы 1917 года. Он был глубоко уверен, что революция надвигается»⁸⁹.

Но и Ленин не думал, что революция придет в Россию уже в конце февраля. Через полтора года после февраля Ленин говорил: «За два месяца до января 1905 года и перед февралем 1917 года ни один, какой угодно опытности и знания революционер не мог бы предсказать, что такой случай взорвет Россию»⁹⁰.

Это был стихийный взрыв, пояснял Ленин, без таких стихийных взрывов ни одной революции не было и быть не может.

Если в развитии Февральской революции преобладало стихийное начало, то совершенно иначе происходило вызревание и развитие Октябрьской революции. Это и понятно, Февральская революция происходила в стране, лишенной основных демократических свобод. Эта революция развивалась в формах спонтанного и плохо управляемого взрыва народного недовольства. Совершенно иное положение было в России перед Октябрем. Уже более полугодом Россия жила в условиях почти полной политической свободы. Были легализованы все левые политические партии, их численность быстро увеличивалась. При этом партия большевиков, благодаря своей программе и своей организации и дисциплине, успешно обрела преобладающее влияние в главных промышленных центрах. Временное правительство было вынуждено после Февраля делить власть с Советами, и оно не смогло в короткие сроки создать сколько-нибудь эффективный аппарат управления.

В этих условиях большевики могли вести не только активную агитацию и пропаганду, создавая политическую армию для новой революции, они стали проводить и большую работу по созданию реальной военной опоры для нового поворота революции. Уже летом 1917 года на предприятиях создавались вооруженные отряды Красной гвардии с единым командованием. Большевики сумели приобрести решающее влияние в революционных организациях Балтийского флота. Их влияние росло в подразделениях Петроградского и Московского гарнизонов, а также в частях действующей армии, особенно на Северо-Западном фронте.

Особое значение имел переход под контроль большевиков Петроградского и Московского советов, на активной или хотя бы пассивной поддержке которых держалось Временное правительство. Правда, и в сентябре и в начале октября 1917 года в России наблюдался спад

⁸⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 30. С. 328–329.

⁸⁹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 271.

⁹⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 496.

массового движения и, напротив, рост черносотенной прессы, на что нередко ссылались оппоненты Ленина. Но он убедительно отклонял эти доводы. «Абсентеизм и равнодушие масс, – говорил Ленин на заседании ЦК 10 октября 1917 года, – можно объяснить тем, что массы утомились от слов и резолюций»⁹¹. Поясняя свою точку зрения, Ленин через несколько дней писал: «Да, массы сегодня не рвутся на улицу. Для восстания нужно не это, а сознательная твердая решимость сознательных биться до конца, это – с одной стороны. А с другой стороны, нужно сосредоточенно-отчаянное настроение широких масс, которые *чувствуют*, что полумерами ничего теперь спасти нельзя»⁹². (Выделено Лениным.)

Самые широкие массы, утверждал Ленин, готовы теперь к революции, и все последующие события показали, что Ленин был прав. Опираясь на письма и советы Ленина, Военно-революционный комитет Петроградского совета сумел составить четкий план действий, развернутую диспозицию предстоящего вооруженного восстания, которое было проведено точно в назначенные сроки и увенчалось полным успехом. С несколько большими трудностями и жертвами, но также успешно прошло вооруженное восстание в Москве. А во многих других крупных городах оказалось возможным обойтись без вооруженного восстания. Власть перешла здесь в руки Советов мирно, без стрельбы и без жертв.

Октябрьская революция была, по существу, первой большой революцией, в которой фактор стихийности не имел решающего значения. Эта революция была проведена организованно и четко почти в полном соответствии с заранее составленным планом. Таким образом получили подтверждение мысли и слова Ленина о возможности и желательности не только политически готовить, но также «планировать» и «организовывать» революцию. Оказалось, что революции, вопреки мнению Розы Люксембург, все-таки могут «поддаваться воспитанию».

Коль скоро Октябрьский вооруженный переворот в Петрограде не являлся результатом стихийного взрыва, то возникает вопрос – в какой мере действия и решения большевиков содержали в себе элемент риска и насколько была велика угроза их поражения?

Нетрудно убедиться, что в октябре 1917 года и в Петрограде и в Москве победа большевиков была практически обеспечена. Решение VI съезда РСДРП(б) о вооруженном восстании не было секретом для Временного правительства. В октябре 1917 года это правительство достаточно хорошо знало о подготовке большевиками вооруженного восстания; об этом писали тогда многие газеты. Не были известны лишь точные сроки и детали ожидаемого выступления большевиков. Но ни в сентябре, ни в октябре Керенский уже не мог повторить то, что ему отчасти удалось сделать в июле, то есть заставить большевиков отступить или уйти в подполье. Силы контрреволюции были еще очень велики, но они были разрознены, и Керенский не в состоянии был их объединить. После неудачи Корниловского мятежа Временное правительство утратило поддержку большинства генералов и офицеров, а также большинства буржуазных партий. Эти люди относились к Керенскому с нескрываемым презрением и не собирались защищать его от большевиков. Эти люди были уверены, что большевики не сумеют продержаться у власти более двух-трех недель и им на смену придет наконец твердая «русская власть». Газета «Новая Русь» называла в этой связи имена генерала М. В. Алексеева, епископа Андрея Уфимского, социалиста Г. В. Плеханова, народника Н. В. Чайковского, а также нескольких казачьих генералов. Одной из задач такого правительства должно быть «восстановление доброго имени генерала Корнилова, снятие с него всех обвинений и проведение его на святое место представителя всей Руси»⁹³.

Сам А. Керенский между тем не хотел замечать тогда своей изолированности и слабости. Видный деятель Временного правительства В. Л. Набоков позднее писал: «За четыре-пять

⁹¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 391.

⁹² Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 412–413.

⁹³ Новая Русь. 1917. № 27. 12 октября.

дней до октябрьского большевистского восстания я прямо спросил его (Керенского. – *Р. М.*) – как он относится к возможности большевистского выступления, о котором все тогда говорили. “Я был бы готов отслужить молебен, чтобы такое выступление произошло”, – ответил он мне. “А уверены ли вы, что сможете с ним справиться?” – “У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены окончательно”»⁹⁴.

Как известно, открытие Второго съезда Советов первоначально было намечено на 20 октября. К этому дню многие из деятелей Временного правительства ожидали и выступления большевиков. Командующий Петроградским военным округом Г. Полковников докладывал, что настроение Петроградского гарнизона склоняется в общем на сторону Временного правительства. Поэтому не следует опасаться активного участия войск в выступлении большевиков. Тот же полковник Г. Полковников на закрытом заседании одной из комиссий Предпарламента заявил еще увереннее, что никакие выступления допущены не будут. Все нужные меры уже приняты, и если большевики выступят, то их выступления будут ликвидированы с самого начала.

ЦИК отложил, однако, открытие съезда Советов на 25 октября, ожидая прибытия в столицу ряда опаздывающих депутатов. Никакого выступления большевиков 20 октября не произошло, да оно и не планировалось. Подконтрольная эсерам и меньшевикам газета «Известия ЦИК» писала 20 октября в статье «Ультиматум»: «Их (большевиков. – *Р. М.*) авантюра с вооруженным восстанием в Петрограде – дело конченное. В этой аванюре они оказались совершенно изолированными, были окружены со всех сторон и не корниловцами, а всеобщим негодованием всех демократов, и они уже сдаются»⁹⁵.

Все это были, однако, иллюзии. Не только в Петрограде, но и во всех почти промышленных центрах страны большевики к началу октября 1917 года были сильнее своих противников и в политическом и в военном отношении. Но Керенский понял это слишком поздно. Когда западный советолог Б. Вульф, беседуя в США с престарелым экс-премьером, задал ему вопрос – почему он не подавил большевиков сразу, как только они открыто объявили войну его правительству, Керенский ответил: «А какими силами я мог бы подавить большевиков?»⁹⁶

Предположения Г. Полковникова оказались ошибочными. Хотя лишь часть Петроградского гарнизона поддержала большевиков, зато другая часть этого гарнизона решительно отказалась от поддержки Временного правительства и заявила о своем нейтралитете. Подсчеты советских историков показывают, что только в Петрограде накануне Октябрьского вооруженного восстания на стороне большевиков в вооруженных отрядах рабочих, матросов и солдат было не менее 300 тысяч человек. Временное правительство могло рассчитывать на поддержку к вечеру 24 октября всего лишь 25 тысяч человек. К вечеру 25 октября большевики стянули к Зимнему дворцу, где непрерывно заседало Временное правительство, около 20 тысяч красногвардейцев, матросов и солдат. Между тем во дворце и вокруг него имелось не более трех тысяч защитников, многие из которых к ночи покинули свой пост. Из-за подавляющего превосходства большевиков никаких серьезных боевых столкновений в столице 24–26 октября не происходило, и общее число убитых с обеих сторон составило всего 15 человек, а раненых было не более 60 человек⁹⁷.

В критические часы вооруженного восстания 24 и 25 октября, когда все главные стратегические объекты города переходили в руки большевиков (телефон, телеграф, мосты, вокзалы, Зимний дворец и др.), Петроград в целом продолжал жить своей обычной жизнью. Большинство солдат находились в казарме, заводы и фабрики работали, в школах не прекращались

⁹⁴ Ашиш Д. С. Революция 1917 года... С. 203.

⁹⁵ Известия ЦИК. 1917. 20 октября.

⁹⁶ Вопросы истории КПСС. 1972. № 9. С. 86.

⁹⁷ Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966. С. 303–304, 434, 435, 461, 462.

текущие занятия. Не было ни забастовок, ни массовых демонстраций и беспорядков, которыми сопровождалась Февральская революция. Кинотеатры (тогда их называли кинематографами) были переполнены, все театры давали свои представления, публика гуляла по Невскому проспекту. Рядовой обыватель практически не замечал происходивших исторических событий и перемен, не прерывалось даже трамвайное движение – главный вид общественного транспорта в 1917 году. В одном из трамвайных вагонов поздно вечером 24 октября В. И. Ленин и охранявший его Эйно Рахья приехали в Смольный из квартиры М. В. Фофановой, где Ленин скрывался в последние дни перед Октябрем. Западный биограф В. И. Ленина Луис Фишер писал: «Все произошло так внешне спокойно, без жертв, без боев и беспорядков, что в Смольном, куда 24 октября вечером прибыл Ленин, царил энтузиазм. Первую ночь Ленин провел в Смольном, он лег поздно ночью, уже под утро, спать в одной комнате с Троцким. На следующий день в 2 часа ночи 26 октября был взят Зимний и Временное правительство было арестовано. Узнав об этом, Ленин снял парик и грим. Он выступил перед Петроградским советом, а потом отправился ночевать к Бонч-Бруевичу. Никаких часовых перед квартирой и никакой охраны не было. Как вспоминал позднее Бонч-Бруевич, “он запер входные двери на все цепочки, замки и крючки, привел в боевую готовность револьверы... Ведь только первая ночь наша – всего можно ожидать!”. Ленину поместили в маленькой спальне. Бонч лег в соседней комнате на диване. Ленин погасил электричество. Бонч тоже. Уже засыпая, Бонч услышал, как Ленин встал, включил свет и стал писать. Рано утром Ленин лег в постель и заснул. Проснувшись через несколько часов, он показался из комнаты, свежий и улыбающийся. “С первым днем революции”, – поздравил он присутствующих. Вскоре мы двинулись в Смольный пешком, потом сели в трамвай. Владимир Ильич сиял, видя образцовый порядок на улицах. В кармане у Ленина был “Декрет о земле”, написанный ночью. В этот вечер, после того как был принят “Декрет о мире”, Ленин прочел “Декрет о земле” перед съездом Советов, который принял его единогласно»⁹⁸.

Рассказывая через 15 лет об этих же решающих днях и часах Октября, Л. Д. Троцкий также писал: «Завершительный переворот кажется после всего этого слишком коротким, слишком сухим, слишком деловым, как бы не отвечающим историческому размаху событий. Читатель испытывает своего рода разочарование... Где восстание? Картины восстания нет. События не слагаются в картину. Мелкие операции, рассчитанные и подготовленные заранее, остаются отделенными друг от друга в пространстве и времени. Связывает их единство цели и замысла, но не слитность самой борьбы. Нет действий больших масс. Нет драматических столкновений с войсками. Нет всего того, что воспитанное на фактах истории воображение связывает с понятием восстания... На самом деле это было самое массовое из всех восстаний в истории. Рабочим не было надобности выходить на площадь, чтобы слиться воедино: они и без того составляли политически и морально единое целое. Солдатам даже воспрещалось покидать казармы без разрешения. Но эти невидимые массы более чем когда-либо шли нога в ногу с событиями, бесшумно передвигалась социальная почва, точно вращающаяся сцена, выдвигая народные массы на передний план и унося вчерашних господ в преисподнюю»⁹⁹.

А. Керенский, остававшийся еще формально Верховным главнокомандующим, сумел, как известно, бежать из Петрограда незадолго до взятия большевиками Зимнего дворца. Он был уверен, что скоро вернется в столицу во главе сильного отряда верных правительству войск. Недалеко от Петрограда был расположен казачий корпус генерала П. Краснова. Именно этот корпус Керенский и хотел в первую очередь повести на Петроград. Однако встреча Керенского и Краснова была далеко не дружественной. Краснов писал об этом в своих мемуарах: «Я шел к Керенскому. Я никогда, ни одной минуты не был поклонником Керенского. Я нико-

⁹⁸ Фишер Л. Ленин. 1970. Лондон. На русском языке. С. 374–375.

⁹⁹ Троцкий Л. Д. Октябрьская революция. Ч. 2. Берлин, 1933. С. 253–254.

гда его не видел, не читал его речи, но все в нем было мне противно до гадливого отвращения. Противна была его самоуверенность и то, что он за все брался и все умел. Когда он был министром юстиции, я молчал. Но когда Керенский стал военным и морским министром, все возмутилось во мне. Как, думал я, во время войны управлять военным делом будет человек, ничего в нем не понимающий... И вот я иду к нему этой лунной волшебной ночью, иду как к Верховному главнокомандующему, предлагать свою жизнь и жизнь вверенных мне людей в его полное распоряжение»¹⁰⁰.

А. Керенский все же убедил Краснова двинуть часть казачьих сотен на Петроград. Но уже после первых стычек с красногвардейцами и матросами казаки Краснова отказались сражаться. Они потребовали прекращения междоусобной борьбы и выдачи Керенского. Бывший премьер и Верховный главнокомандующий трусливо бежал от Краснова по тайному ходу. Встречая везде неприязнь и даже ненависть, он вскоре эмигрировал из России. Генерал П. Краснов был арестован, но вскоре отпущен под «честное слово». Он обещал не вести больше борьбу против советской власти.

Положение дел в стране было, однако, намного более сложным, чем в Петрограде и Москве. Россия вела войну, и под ружьем на всех фронтах стояли миллионы солдат. Не только генералитет и офицерство, но и большая часть выборных армейских комитетов была настроена враждебно к новой власти в столице. Используя эти настроения, командующий действующей армией генерал Н. Н. Духонин отказался признавать Совет народных комиссаров и выполнять его приказы. Это ставило новое правительство в трудное положение. Решение Ленина сместить Духонина и назначить на его место большевика – прапорщика Н. Крыленко было смелым, но рискованным шагом. Можно сослаться в данном случае на воспоминания И. В. Сталина. «Помнится, – говорил он, – как Ленин, Крыленко и я отправились в главный штаб в Питере для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка категорически отказались выполнять приказ Совнаркома о прекращении военных действий и начале переговоров с немцами. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 14-миллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против советской власти»¹⁰¹.

Как известно, генерал Духонин отказался признавать приказ о переговорах с немцами и о своем смещении. Тогда Ленин от имени Совнаркома обратился непосредственно к солдатам с предложением о том, чтобы сами полки на позициях взяли на себя переговоры о перемирии. «Это был, безусловно, правильный шаг, – писал через год Н. Крыленко, – рассчитанный не столько на непосредственные практические результаты от переговоров, сколько на установление полного и беспрекословного господства новой власти на фронте. С момента предоставления этого права полкам и дивизиям и приказа расправляться со всяким, кто посмеет воспрепятствовать переговорам, дело революции в армии было выиграно, а дело контрреволюции безнадежно проиграно. И нечего было бояться, что создается хаос на фронте, этим парализовывалась война: нечего было опасаться и немцев – они должны были занять выжидательную позицию, и они заняли ее. В то же время с контрреволюцией на фронте было покончено»¹⁰².

Не обращая внимания на ставку Духонина в Могилеве, Совнарком направил на фронт нового командующего Н. В. Крыленко, предоставив ему полномочия на заключение перемирия. Германское командование, также стремившееся к заключению перемирия, признало полномочия парламентариев, направленных Крыленко в штаб одной из немецких дивизий, и Крыленко немедленно издал приказ о прекращении перестрелки по всему фронту. А вскоре было заключено перемирие с германским командованием, действовавшее до февраля 1918 года. Тем

¹⁰⁰ Октябрьская революция. Мемуары. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 50, 52.

¹⁰¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. С. 62.

¹⁰² Военно-исторический журнал. 1964. № 5. С. 58.

самым ставка генерала Духонина была изолирована, и все усилия превратить ее в главный центр по борьбе с новой властью окончились провалом. Часть генералов во главе с арестованным ранее Корниловым бежала на Дон, а сам генерал Духонин был убит занявшими его ставку матросами и восставшими солдатами.

Общее положение на фронтах Первой мировой войны было в эти месяцы крайне сложным и плохо прогнозируемым. Усталой, ослабленной и деморализованной русской армии противостояли на фронте еще достаточно сильные и дисциплинированные армии германо-австрийской коалиции, и перемирие с ними было не слишком прочной гарантией невмешательства. Да и в союзных России странах – Великобритании, Франции, США и Японии – под ружьем находились миллионы солдат, часть которых Антанта могла использовать для подавления русской революции и восстановления Восточного фронта.

Призывая начать социалистическую революцию в воюющей России, Ленин рассчитывал, что русский пролетариат будет очень скоро поддержан пролетариатом главных европейских стран. В 1917 году ни Ленин, ни другие руководители большевиков не надеялись и не предполагали, что революционная Россия сможет долго уцелеть во враждебном для нее капиталистическом окружении. Ставился вопрос о том, чтобы начать не столько русскую, сколько мировую революцию, создать для нее плацдарм и продержаться по возможности дольше – пока не созреют до революции другие страны. В этом был тогда главный стратегический расчет Ленина и в этом был главный риск, ибо бесчисленное количество различных факторов, определяющих международную обстановку и ход войны, нельзя было просчитать и определить заранее. И Ленин на этот счет не обманывался – он хорошо понимал, что поднять вооруженное восстание в тылу воюющей армии и в условиях мировой войны – это не просто риск, а это значит все поставить на карту. Понимали это и другие члены советского правительства.

Но было бы несправедливым обвинять большевиков в том, что они ведут слишком рискованную игру. Ф. Энгельс писал: «В революции, как и на войне, в высшей степени необходимо в решающий момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы. <...> Бесспорно, что во всякой борьбе тот, кто поднимает перчатку, рискует быть побежденным. Но разве это основание для того, чтобы с самого начала объявить себя разбитым и покориться ярму, не обнажив меча»¹⁰³.

Всякая революция содержит в себе элемент риска. Тем более первая в истории социалистическая революция, которая почти во всем является скачком в неизвестность. Еще К. Маркс писал, что творить мировую историю было бы очень удобно, «если бы борьба предпринималась только по условиям непогрешимо благоприятных шансов»¹⁰⁴.

Ссылаясь на эти слова Маркса, Ленин также заявлял: «Попытка учесть наперед шансы с полной точностью была бы шарлатанством или безнадежным педантством»¹⁰⁵.

Этими положениями большевики руководствовались в декабре 1905 года и потерпели поражение. Этими положениями они руководствовались в октябре 1917 года и одержали победу.

¹⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. Т. 8. С. 80–81.

¹⁰⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. Т. 33. С. 175.

¹⁰⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 14. С. 378.

Раздел второй. Была ли Октябрьская революция преждевременной?

1. Возможна ли преждевременная революция?

Прежде чем поставить вопрос о «своевременности» Октябрьской социалистической революции, резонно задаться другим вопросом: а возможны ли вообще преждевременные революции? Разве не Маркс утверждал, что человечество ставит себе только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения имеются уже налицо или, по крайней мере, находятся в процессе становления¹⁰⁶.

Нетрудно заметить, что Маркс говорил в данном случае о социальных революциях в самом широком смысле слова. Что касается конкретных революционных выступлений в отдельных странах, то Маркс и Энгельс всегда считались с возможностью как явно запоздалых, так и явно преждевременных выступлений. Да и сам вопрос о степени зрелости той или иной страны для революционного преобразования ее общественного строя нередко становился предметом острой научной и политической полемики. Русские народники 60-х годов XIX века всерьез верили, что Россия уже созрела для социализма, и видели готовые зачатки этого социализма в деревенской общине. С другой стороны, в 1920–1922 гг. все марксисты были уверены, что капитализм себя уже изжил, что он не может открыть какие-то новые возможности для развития производительных сил и что Европа и США стоят на пороге социалистической революции. Экономический кризис 1929–1933 гг., победа фашизма в Германии и новая мировая война, казалось бы, лишь подтверждали этот тезис. Кто бы мог подумать сорок лет назад, что после войны и даже после крушения колониальной системы капитализм в Западной Европе и в США обретет второе дыхание и что именно в недрах капиталистической системы зародится и получит свое развитие новая научно-техническая революция?!

Вообще в истории революционных движений любой страны редко бывало, что революция приходила сразу «ко времени». Любой почти победоносной революции предшествовало обычно несколько неудачных, преждевременных попыток. Но лишь некоторые из этих попыток заслуживают осуждения как авантюризм. В большинстве случаев эти выступления организуются искренними революционерами, не сумевшими, однако, правильно рассчитать свои силы и силы врагов. Но еще больше преждевременных выступлений происходило стихийно, они были порождены отчаянием угнетенных людей. Таким было восстание Спартака и много других менее известных восстаний рабов. Таким были выступления Степана Разина и Емельяна Пугачева и множество других менее известных крестьянских восстаний. Почти не было шансов ни у парижских коммунаров 1871 года, ни у пролетариев Москвы в декабре 1905 года. Но многие из таких выступлений обогащали революционную мысль, рождали традиции, выдвигали революционных вождей, способствуя в конечном счете победе грядущей революции.

Почти всегда «преждевременные» или недостаточно подготовленные революционные выступления заканчиваются поражением, как это было с восстанием декабристов в 1825 году, с Парижской коммуной в 1871 году, с декабрьским вооруженным восстанием в Москве в 1905 году, с Кантонской коммуной в 1927 году. Но Маркс и Энгельс серьезно считались и с возможностью победы «преждевременных революций» и, в частности, с возможностью победы пролетариата и его партии в такой обстановке, когда для выполнения их радикальных социали-

¹⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. С. 7.

стических программ еще не созрели ни объективные, ни субъективные условия. При подобном преждевременном политическом перевороте Ф. Энгельс предсказывал два возможных варианта развития событий. В первом случае пришедшая к власти крайняя партия будет выполнять не те преобразования, которые она хотела бы выполнять в соответствии со своей главной партийной программой, но только те, которые можно будет выполнять при данных социальных и экономических условиях. Предсказания Энгельса на этот случай были пессимистическими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.